

ОПУБЛИКОВАТЬ СТАТЬЮ

в изданиях НИЦ "Социосфера"

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СОЦИОСФЕРА

- Российский научный журнал
- ISSN 2078-7081
- РИНЦ
- Публикуются статьи по социально-гуманитарным наукам

PARADIGMATA POZNÁNÍ

- Чешский научный журнал
- ISSN 2336-2642
- Публикуются статьи по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СБОРНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

- Широкий спектр тем международных конференций
- Издание сборника в Праге
- Публикуются материалы по информатике, истории, культурологии, медицине, педагогике, политологии, праву, психологии, религиоведению, социологии, технике, филологии, философии, экологии, экономике

[ПОДРОБНЕЕ](#)

ОПУБЛИКОВАТЬ СТАТЬЮ

в изданиях НИЦ "Социосфера"

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СОЦИОСФЕРА

- *Российский научный журнал*
- *ISSN 2078-7081*
- *РИНЦ*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным наукам*

PARADIGMATA POZNÁNÍ

- *Чешский научный журнал*
- *ISSN 2336-2642*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам*

[ПОДРОБНЕЕ](#)

[ПОДРОБНЕЕ](#)

СБОРНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

- *Широкий спектр тем международных конференций*
- *Издание сборника в Праге*
- *Публикуются материалы по информатике, истории, культурологии, медицине, педагогике, политологии, праву, психологии, религиоведению, социологии, технике, филологии, философии, экологии, экономике*

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

№ 4 (6) 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ

ООО Научно-издательский центр
«Социосфера»

Главный редактор –

Анна Сергеевна Коржавина, e-mail:
askorgav@mail.ru

Редакционная коллегия

Литературный редактор –

Лидия Терёхина (Лидия Ивановна
Дорошина), e-mail: lidiy2305@mail.ru,
редактор –

Марина Владимировна Герасимова,
e-mail: cubernihellady@inbox.ru,

технический редактор –

Нина Александровна Шеменкова,
e-mail: n02011952a@mail.ru

специалист по связям с общественно-
стью – Игорь Владимирович Табаков, e-
mail: igor.tabakov@mail.ru

секретарь – Нина Викторовна Стёпочкина,
e-mail: ninavs@mail.ru

Художник Ольга Кузьмина

Авторы несут ответственность за до-
стоверность приводимых в публика-
циях фактов, цифр, цитат, статисти-
ческих данных, имён собственных и
прочих сведений. Мнения, выражен-
ные в данном издании, являются ав-
торскими и не обязательно отражают
мнение редакции журнала.

Оригинал-макет – И. Г. Балашова

Подписано в печать 25.06.2021. Фор-
мат 60х84/8. Бумага писчая белая.
Усл.-печ. л. 8,5. Тираж 500 экз.

ООО Научно-издательский центр
«Социосфера»

440026, Россия, г. Пенза, ул. Мира, д. 35
Тел. (8412)21-68-14

веб-сайт: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosphere@yandex.ru

Типография ООО «Амирит»: 410004,
г. Саратов, ул. им. Н. Г. Чернышев-
ского, д. 88, литер У.
Тел. (8452)24-85-33

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Аркадий Кошко. Гнусное преступление3

ПОЭЗИЯ

Ефим Гаммер. Календари обмануты дождём 14

Татьяна Потёмкина. Флоксы 17

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

Вадим Борзихин. Чай вполголоса 20

Дарья Зайцева. Ночь 21

Наталья Елизарова. «Нет Руси больше Киевской,
сколько ни голося...» 21

Наталья Горбачёва. Сон 22

Анна Коржавина. Башня из пепла 22

Людмила Сretenская. Бабым летом 23

Валентина Филатова. Дождь 24

Лидия Смелкова. Осень 25

Юрий Сычевский. Рана-травма 25

Виктория Хвалова. Эти длинные письма 27

Олег Миронов. «Вот было б классно...» 28

Василий Брехов. Из размышлений 29

ДЕТИ-ДИПЛОМАНТЫ КОНКУРСА «ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ ГОДА – 2020»

Вера Шорсткина. На перроне 30

Антон Поляков. Пионеры-герои 31

Виктория Батарова. Мама дождя 32

Сказки Андерсена 33

Книга ласточкиных мыслей 33

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей Арутюнов. Неотменимая ценность 34

ЮМОР

Алексей Питиков. Как пиццать деду 37

Научный спор 38

Совесть 38

Артём Артеменко. Селфи с Наполеоном 38

КРАЕВЕДЕНИЕ

Елена Витальева. Об утраченной красоте прошлого 42

Лариса Москвитина. По суворовским местам 44

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Антон Хрулёв. Два капитана 48

НОВЫЕ КНИГИ: РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Марина Герасимова. Клады и секретники 57

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Николай Дик. Да и Нет. 60

Бабочка 62

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Анастасия Тренкина. Про Джека, или Добро возвращается
добром 64

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Лидия Терёхина. Записка 68

СУВОРОВСКИЙ ПОЛК

Александр Кукаев. Михаил Лермонтов 72

Проект «Сурский край родина героев и победителей».
«Музей спецназа всемирной казачьей славы
имени М. Ю. Лермонтова» 72

СОБЫТИЯ. ДАТЫ 83

ПРОЗА

Аркадий Кошко

Аркадий Францевич Кошко – известный русский сыщик и криминалист, московский «Шерлок Холмс» (1867–1928).

От редакции. Мы получили этот рассказ из Франции от внука пензенского губернатора И. Ф. Кошко (с 1907 по 1910 г. включительно) Дмитрия Борисовича Кошко, Кавалера российского Ордена Дружбы, известного французского журналиста и общественного деятеля: «Вот материал, который Вас должен заинтересовать. Это один из рассказов моего прадеда из его книги, которая переиздана под названием «Воспоминания русского Шерлока Холмса» в издательстве Росспен в 2019 году». Д. Кошко.

Гнусное преступление

Как-то в конце пасхальной недели 1908 года явился ко мне на приём сильно напуганный человек, по виду мелкий купец и, чуть ли не заикаясь от волнения, рассказал следующее:

– Всю жисть, господин начальник, мы прожили, можно сказать, по-честному, мухи не обидели и немало добра людям сделали, а вот под старость эдакая напасть приключилась... И чем только Бога прогневили, сказать не умею!

– Да говорите толком, в чём дело?

– Да дело моё необыкновенное, не знаю просто, как и приступить. Начну с самого начала.

Сами мы теперь третий год живём на отдыхе, в своём домишке на Остоженке, – я, супруга моя Екатерина Ильинишна да сынок Михайла. А до того времени 20 лет свою торговлю мелочную имели и капиталец, слава Богу, приобрели. Квартера у нас порядочная, кухарку держим и вообще живём не хуже людей. С месяц тому назад сынок мой уехал в Пензу спроводать невесту – жених он у нас, – и остались мы с Ильинишной вдвоём. Ну-с, хорошо-с! И говорит вчерашний день супруга моя: «Хорошо бы, Лаврентьич, нам в баню сходить (это я Терентий Лаврентьевичем прозы-

ваюсь), а то за праздничные дни обкушались мы с тобою, невредно бы венчиком попариться да поту повыпустить». Что ж, говорю, разлюбезное дело. Отправились.

Помылись мы на славу и с кумачовыми лицами вернулись домой. А дома, конечно, самоварчик ждёт, разные булочки сдобные да разноразное варенье. Распоясались мы, жена освежила личико студёной водицей, и, благословясь, сели мы за чай. Выпили мы с ней стаканчика по четыре и в такое благорасположение пришли, что просто и не рассказать: на душе покойно, телеса приятно разогреты, в утробе одно удовольствие, а в комнате так светло и уютно, в уголке лампада перед иконой горит. Сидим, молчим и молча радуемся. Вошла в комнату кухарка и, обращаясь ко мне, говорит: «Вот давеча, пока вы были в бане, пришло вам письмецо», – и протягивает мне его. Я поглядел на конверт, письмо иногороднее. «Уж не от сына ли?» – подумали мы.

– А вы разве почерка сына не узнали?

– Да где его там разобрать? Сами мы не больно грамотны, да и сын не гораздо хорошо пишет. Ну, однако, распечатали. Оказалось, от сына. Вот оно, я захватил с собой.

Я пробежал письмо глазами. В нём довольно корявым почерком было написано:

«Дорогой наш родитель, Терентий Лаврентьевич, и дорогая мамаша, Катерина Ильинишна, шлю вам с любовью низкий сыновний поклон и прошу вашего благословения навеки не нарушимого. Четвёртую неделю пребываю в Пензе и невестой моей и ейными родителями премного доволен. С ними встретил светлые праздники и взгрустнул между прочим, что вас со мной не было.

Хоть Пасху провожу и без вас, однако вас не забыл и посылаю вам посылку на три пуда весом, а что в ней находится, не сообщаю – это вам сюрприз будет, а только Пенза славится платками, перчатками и разными фруктами, но это я говорю только так, для обману, в посылке совсем другой товар находится. Затем пожелаю я вам всего хорошего, ждите меня домой недельки через две-три.

Остаюсь вашим любящим и покорным сыном Михаилом Терентьевичем Шишкиным».

Мой посетитель продолжал:

– К этому письмецу была приложена и багажная квитанция на посылку. Время было позднее, и с получкой пришлось обождать до сегодняшнего дня. Как прочитали мы это Мишенькино письмо, нас ажно слеза прошибла. Ильинишна мне говорит: «Вот, отец, какого сына мы с тобой вырастили. Где бы парню с невестой всё на свете забыть, а он, глядь, своих стариков вспомнил, да ещё как вспомнил – трёхпудовой посылкой. А только очень мне любопытно знать, что в этом сюрпризе находится. Я так думаю

– хоть он и сбивает с толку, а должно быть, всё платки пуховые – знает, мать тепло любит». Эвона, говорю, куда махнула, на три пуда пуховых платков. Эдакую уйму и в вагон, пожалуй, не уложишь.

– Ну, значит, яблоки, – говорит супруга.

– И опять зря говоришь, – отвечаю, – подумаешь, яблоки, невидаль какая, нашёл, чем родителей порадовать.

Всю ночь мы плохо спали с женой: то толкнёт она меня в бок и полусонного огорошит вопросом: «А может быть, Лаврентьич, пуховые перчатки?» Отстань, говорю, а у самого в голове разные фантазии: может быть, пряники медовые, а может быть, и стерляди сурские. Страсть люблю стерляжью уху. Меня ажно в тревогу бросало, не дойтить рыбине в такую даль; как пить дать протухнет!

Под утро я разбудил даже супругу и спрашиваю: «Ежели, к примеру сказать, стерлядь залежалая, то по глазам ейным можно это распознать?»

– Какая стерлядь? – говорит супруга.

– А ну тебя к лешему, дрыхни! – отвечаю сердито.

Так мы и промаялись всю ночь. Утром наскоро напились чаю и вместе на извозчике помчались на Рязанский вокзал. Предъявляю квитанцию, и мне носильщик выволакивает тяжёлый ящик, обшитый рогожей, натуго перевязанный верёвками. Сволокли мы его на извозчика да и айда домой. Едем, а любопытство так и разбирает. А как повеет ветерочком, так от ящика лёгкий странный дух идёт. «Ой, – говорю, – выходит по-моему – не иначе как стерлядь. Принюхайся, как рыбиной отдаёт». Приехали домой, внесли ящик в столовую, разъяли веревки, взял я топор да и начал отковыривать крышку. Сверху соломой заложено. А супруга моя так и егозит, так и егозит! Пощупали сверху – что-то твёрдое.

«Скорей, – говорит, – Лаврентьич, чего копаешься».

Запустил я сбоку руку вглубь, нащупал какой-то предмет и вытаскиваю. Мать честная! Святые Угодники! Я даже икнул, а супруга грохнулась на пол. Я держал за пятку кусок человеческой ноги, обрубленной по колено!... Сердце колотится, а я, как дурак, застыл с протянутой рукой. Прошло немало времени. Наконец, слышу, Ильинишна кричит: «Чего стоишь истуканом? Брось эту погань». Ну, действительно, отшвырнул я ногу. «Что ж это такое, – говорю, – творится? Разуважил, можно сказать, сынок, поздравил с праздничком».

– Полно тебе брехать, в своём ли ты уме. Разве Мишенька позволит себе эдакие шутки? Осмотрим скорее весь ящик – да и в полицию.

Осмотрели мы, господин начальник, посылочку вдоль и поперёк.

Ничего, можно сказать, сюрприз! Человечье тело, разрубленное на четыре части и промеж ног голова всунута. По всем видимостям, труп молодой девицы, можно сказать, девочки. Заметно это по телосложению трупа, опять же на голове длинная коса и в неё вплетена лента. Вот извольте получить.

И он положил мне на стол длинную шёлковую пёструю ленточку.

Помолчав, я спросил:

– Что же вы обо всём этом думаете?

– Да что тут думать? Ничего не думаю, одно, конечно, что сын мой ни при чём.

– А другой посылки от сына вы не получали?

– Нет, не получали.

Я кратко записал сообщённые мне данные и отпустил купца, взяв его адрес.

Конечно, убийство, видимо, было произведено далеко за пределами Москвы и вряд ли подлежало моему ведению, но дерзость и цинизм преступления возмутили и заинтересовали меня. К тому же имелось ещё одно привходящее обстоятельство, побудившее меня лично взяться за это дело: я только что получил от брата из Пензы, где он в это время был губернатором, письмо с приглашением приехать погостить, а так как, судя по багажной квитанции, следы вышеназванного злодеяния надлежало отыскивать именно в Пензе, то я и решил соединить приятное с полезным и тотчас же принялся за работу. Взяв с собой полицейского врача и двух понятых, я поехал на Остоженку к Плошкину. Экспертиза врача установила после исследования разрубленного трупа в ближайшем медицинском пункте, что он принадлежит девочке 14-ти примерно лет, убитой ударом колющего оружия в сердце, приблизительно двое суток тому назад.

Допросив ещё раз Плошкина, я ничего нового от него не узнал.

На мой вопрос, не было ли у него каких-либо врагов, сводящих с ним счеты, он ответил: «Нет, всю жизнь я прожил в миру и ладу со всеми, и мстить, кажись, некому».

Но, подумав, добавил: «Разве что один человек мог остаться мной недовольным. Это мой бывший старший приказчик Сивухин.

Уж больно он воровать стал, и года за два до закрытия моей торговли я выгнал его от себя вон и, помню, обозвал даже вором.

А он, уходя, пригрозил мне: «Погоди, старый черт, отольются тебе мои слёзы!» – да только тому уже пять лет прошло, и ничего, покуражился, видимо, человек».

– Не сохранился ли у вас почерк этого Сивухина?

– Да как не быть, – вон старые торговые книги валяются.

– А ну-ка покажите.

Плошкин отобрал одну из книг, перелистал несколько страниц и раскрытую поднёс мне:

– Вот евонная рука.

Я поглядел. Довольно неровным почерком было написано наименование и цена нескольких товаров. Сравнив эти записи с почерком письма, полученного Плошкиным, я убедился, что почерки разные.

На следующий день, собрав подробные справки о сыне Плошкина, оказавшиеся для него вполне благоприятными, и снабжённый фотографиями с обезображенного трупа, я выехал в Пензу с экспрессом. Повидавшись с родными, я приступил к делу. Пригласив к себе местного начальника сыскного отделения и полицеймейстера города Пензы В. Е. Андреева, я спросил их, не поступало ли от кого-либо заявлений о пропаже девочки лет 14-ти. И тот и другой заявили, что три дня тому назад некая Ефимова, продавщица в казённой винной лавке, обратилась за помощью в полицию, прося разыскать исчезнувшую дочь, девочку 14 лет, Марию, причём подозрений решительно ни на кого не имела. Местная полиция уже производила розыск, но пока результатов благоприятных не получено. Я пожелал лично допросить как Ефимову, так и молодого Плошкина и приказал вызывать их обоих. Крайне тяжёлое воспоминание осталось у меня от встречи с Ефимовой. Подавленная горем, в слезах, явилась она и рассказала, как было дело.

Её дочь с год как служит в качестве ученицы у портнихи, некоей Знаменской, проживающей «в конце Пешей улицы. Сначала Маше жилось у хозяйки нелегко, но последние два месяца Знаменская резко изменила своё отношение к ней, стала ласкова, добра и снисходительна. В день исчезновения Маши было Светлое Воскресенье, и девочка была у матери. В два часа дня отпросилась погулять в Лермонтовский сквер на часочек, но не вернулась ни через час, ни через три, ни к вечеру. Встревоженная мать кинулась на поиски, побывала и у портнихи, но Маша как в воду канула. Поволновавшись всю ночь, она наутро сделала заявление полиции о пропаже дочери.

В большом волнении протянул я ей шёлковую пёструю ленточку и спросил, знакома ли она ей? Мать судорожно схватила её и с надеждой во взоре радостно проговорила:

— Она, она самая! Это любимая ленточка моей Машеньки.

Щадя нервы моих читателей, я не буду описывать той тягостной сцены, что последовала вслед за раскрытием страшной правды. Как ни был я осторожен, но печальный факт оставался фактом, и горе несчастной матери было безбрежно.

Это тягостное впечатление несколько рассеял Михаил Плошкин.

Завитой барашком, с галстуком одного цвета со щеками, в крахмальной манишке и с огромным аметистом на указательном пальце предстал передо мной счастливый жених. Держал и вёл себя по собственному выражению «высоко культурно».

— Намеревались ли вы послать вашим родителям посылку в Москву? — спросил я его.

– Конечно, оно следовало бы, так как сами понимаете – родители, ничто другое, но любовный дым, в коем я пребываю, помешал мне в исполнении этой заветной мечты-с.

– Так что и письма вы никакого им на Пасху не посылали?

– Нет-с, не удосужился проздравить с высокаторжественным праздником.

– А между тем они посылочку от вас получили, и на три пуда.

– Шутить изволите.

– А вот прочтите.

И я протянул ему письмо. Он внимательно прочёл его, раскрыл рот от удивления и уставился на меня.

Так как я ещё в Москве сверил его почерк с почерком письма и убедился в их различии, то я не нашёл нужным его дольше задерживать и отпустил его, не разъяснив ему странной загадки.

По его словам, кроме невесты и её стариков родителей, никто не знал московского адреса Плошкиных.

До поры до времени я решил оставить в покое этих людей и пожелал инкогнито навестить портниху Знаменскую. Мне хотелось лично вынести о ней впечатление не только как о лице, игравшем значительную роль в жизни погибшей девочки, но также и потому, что сведения, собранные о ней местной полицией, были неблагоприятны: тёмное прошлое, обширные знакомства с людьми, ничего общего не имеющими с её ремеслом и средой и т. д.

С этой целью, переодевшись в местном сыском отделении в отрепья босняка, подкрасив слегка нос в красный цвет и взъерошив волосы, я забрал под мышку узелок, туго набитый крючками, пуговицами, лентами, аграмантами и пр. прикладом, и вскоре был в конце Пешей и входил на кухню квартиры, занимаемой портнихой Знаменской.

Я довольно нерешительно открыл дверь. В кухне за большим столом сидели две девочки лет по 14 и девушка постарше, лет 17.

Они с аппетитом уплетали кашу, черпая её деревянными ложками из общей кастрюли. Все три обернулись, но, увидя моё рубище, ничего не ответили и продолжали есть. Наконец, старшая спросила:

– Что тебе нужно?

– Мне бы хозяйюшку вашу повидать.

– А на что? – удивилась она.

– Да тут кое-какое дельце к ней будет.

– Ладно, обожди, ужо позову.

Я прислонился к косяку двери и стал наблюдать.

Обедавшие ничем не отличались от обычного типа портнишек: смазливенькие, в чёрных коленкорových передниках, с привешенными на шнурках ножницами к поясу и чуть ли не с напёрстками на пальцах. Вид их был

довольно усталый, несколько болезненный, а у старшей заметно были накрашены губы. Продолжая есть, они совершенно забыли о моём существовании и перекидывались ничего не значащими фразами. Но вот я насторожился. Одна из девочек сказала:

– Эх, Маня, где же ты теперь?

На что другая ответила:

– Да, лови ветра в поле, и след её, поди, простыл.

– Ну и красавица была, – продолжали разговор девочки, – второй такой не сыщешь.

Старшая сказала:

– А всё-таки, как хотите, тут дело без «жабы» не обошлось. Что-то уж больно скоро она утешилась, а ведь как ухаживали за Маней, лучше её никого не было.

Они замолчали. Я покашлял. Старшая, восторженно, сказала:

– Ну-ка, Настя, сходи за жабой, скажи, что тут человек дожидается.

Одна из девочек отправилась в комнаты и вскоре вернулась с лукавой улыбкой и, подмигнув подругам, заявила:

– Я жабе сказала, что какой-то господин её дожидается, и она принялась пудриться, румяниться и душиться. – Девочки звонко расхохотались.

Минут через десять послышались шаги, и в кухню вплыла с видимо заранее заготовленной очаровательной улыбкой довольно полная, нестарая ещё женщина, по виду не то молодящаяся купеческая вдова, не то сводня. Завидя меня, она сурово сдвинула брови и сердито спросила:

– Кто ты такой, и что тебе от меня надо?

Я, бойко усмехнувшись, ответил:

– Кто я таков, знает лишь матушка-Волга, а дельце у меня к вам действительно есть. Скажу напрямки, – выпить страсть хочется, а презренного металла нема. Вот, думаю, зайду к портнихе, предложу ей подходящего товарцу за полцены. Извольте поглядеть, мадам.

Я быстро развязал свой узелок и рассыпал по столу его содержимое.

Хозяйка пододвинулась, и ее обступили было любопытные девочки, но, топнув ногой, она на них прикрикнула:

– Налопались досыта и марш за работу.

Оставшись со мной с глазу на глаз, она принялась внимательно рассматривать товар. Началась отчаянная торговля. За всё я спрашивал полцены, ссылаясь на стоимость в лавках. Она же не давала и четверти, прозрачно намекая, что товар, несомненно, краденый.

С полчаса длилась эта долгая процедура. Мы оба охрипли, и портниха приобрела за 4 рубля то, за что было уплачено 18. Спрятав поспешно деньги в карман, я, подпрыгивая, выбежал на двор, хрипло затаив:

– «Вставай, подымайся, рабочий народ, вставай на борьбу, люд голодный...» и т. д.

Теперь сомнений у меня не оставалось, что все силы розыска следует направить на портниху Знаменскую.

Хотя мать убитой девочки была мной предупреждена и ради пользы дела обещала хранить до поры до времени молчание, но, видимо, она не нашла в себе сил исполнить обещанное, и от неё, надо думать, появились в городе слухи об убийстве Марии.

Впрочем, слухи были самые разноречивые: говорилось о самоубийстве, и о похищении цыганами, и о каком-то романе. Желая сделать убийц менее сдержанными и осторожными, я, на всякий случай, поместил в «Пензенских ведомостях» заметку в отделе происшествий, придерживаясь по возможности стиля провинциальных хроникеров. Она была озаглавлена: «Наши дети». Дальше следовало:

«Наш город взволнован разнообразными циркулирующими слухами об исчезновении 14-летней Марии Е. Из весьма достоверных источников нам сообщают, что полиции удалось напасть на след беглянки, — да, мы говорим беглянки, так как этому юному, ещё не распутившемуся бутону пришла в голову мысль бежать с ним! О tempora, o mores! Куда мы идём? Quo vadis?!»

Так как целью моего приезда в Пензу был отдых, а не работа, то я и решил в дальнейшем поручить это дело моим двум опытным агентам, тем более что розыск, как мне казалось, был уже поставлен на надлежащие рельсы. Ввиду этого я телеграфировал моему помощнику в Москву, предлагая ему командировать в Пензу агентов Сергеева и Тихомирову. Эти агенты были не только весьма способными людьми, но и обладали особыми качествами, пригодными для данного случая: Сергеев был мужчина лет 50, с несколько помятым лицом, монтеристого вида из прокутившихся кавалеристов. Я пользовался услугами Тихомировой в тех случаях, когда по ходу дела мне требовался тип барыни. Она обладала красивыми манерами, недурно говорила по-французски и английски, со вкусом одевалась. У своих сослуживцев она известна была под прозвищем «аристократки».

Примерно через полтора суток эти оба агента, по паспорту «супруги Сергеевы», приехали в Пензу и заняли два лучших сообщающихся номера в местной гостинице «Трейдман». Я тотчас же побывал у них и, посвятив обоим во все подробности дела, предложил им самостоятельно выработать план действий, причём, конечно, просил их всё время держать меня в курсе дела.

Параллельно со мной пензенская полиция также работала, причём всё внимание местных агентов было сосредоточено на здешнем главном вокзале. Наводились справки о дне и часе отправки посылки под известным номером, пробовали установить личность отправителя и т. д., но результатов сколько-нибудь интересных от этого не получилось.

Итак, поручив это дело моим опытным людям, я временно почил на лаврах и стал ждать дальнейших событий.

Прошло дней пять. Наконец, является Сергеев и сообщает, что за это время ему удалось кое-чего достигнуть. Рассказал он следующее:

– После вашего ухода мы обсудили дело с Тихомировой, выработали план и с места в карьер принялись действовать. Сев на лихача, мы покати-ли к Знаменской. Входим. Портниха нас встречает с обворожительной улыбкой и предупредительно спрашивает, что нам угодно. Я отвечаю: «Нам говорили о вашей хорошей работе, и вот жена хотела заказать у вас несколько туалетов».

– Да, – говорит, – моей работой довольны. Сама вице-губернаторша заказывали мне платье и остались довольны.

– Вот именно вице-губернаторша нам вас рекомендовала. Поговори-те с женой, снимите мерку, а я здесь посижу, подожду.

Портниха с «женой» удалились в соседнюю комнату, а я, оставшись один, принялся перемигиваться с молоденькой мастерицей и двумя под-ростками-ученицами, тут же что-то кроившими. Вскоре мы непринужден-но разговорились, посыпались шутки и смех. Минут через 15 «жена» с портнихой вернулись, и Тихомирова раздражённым тоном мне сделала за-мечание: «Nicolas, votre conduite est ridicule!» Хоть эта фраза и была сказа-на по-французски, но тон и сопутствующие ей обстоятельства не оставля-ли никаких сомнений, что, конечно, и поняла Знаменская.

– Мы с вашей супругой для весеннего костюма выбрали вот это си-нее сукно. Не угодно ли взглянуть?

Я отмахнулся:

– Выбирайте хоть красное, хоть зелёное, мне всё равно.

– Nicolas, я для летнего платья выбрала этот розовый батист. Не правда ли премиленький?

– Послушай, матушка, – говорю я, – ведь тебе не 16 лет. Взяла бы что-нибудь лиловое.

– Да ты с ума сошёл! Старушечий цвет! Вот выдумал.

– Ну, делай, что хочешь, только скорей.

«Жена» ещё долго обсуждала вопрос о костюмах со Знаменской, со-общила ей, что мы новые помещики Нижне-Ломовского уезда, приехали на короткое время в Пензу, что на днях она возвращается к себе в имение налаживать хозяйство, а муж останется по ряду земельных дел в Пензе. Наконец, мы распрощались.

Жена пошла вперёд, провожаемая портнихой, я за нею.

Проходя мимо мастерицы, я потрепал её по щёчке. Знаменская это увидела, улыбнулась и игриво погрозила мне пальцем. Мы уехали. Через два дня была назначена срочная примерка, и мы опять вместе побывали у Знаменской. Примерно повторилось то же: я всем своим поведением давал

ясно понять, что супружеская жизнь мне до чёрта надоела, что я далеко не прочь пожуировать, словом, держал себя мышинным жеребчиком. Знаменская ни слова не говорила, но ясно давала чувствовать, что весьма благосклонно относится к принятой мною линии поведения. Сегодня Знаменская должна была сдать заказ, и я за ним явился один, сказав, что жене нездоровится. На этот раз портниха меня встретила непринуждённо весело, но из приличия справилась, чем больна моя жена. «Чем? – отвечал я. – Старостью!» – «Помилуйте, ваша супруга ещё молодая женщина! Поди, лет 30 с небольшим?» – «Да, – отвечаю, – всем говорит, что 36, а в этом году серебряную свадьбу справляли. Вот и считайте!»

Портниха поставила аховые цены за исполненный заказ, и я, вынужденно набитый бумажник, не выражая ни малейшего недовольства, тотчас заплатил.

– Марья Ивановна, прикажете завернуть? – спросила её одна из девочек.

– Да, Настя, заворачивай. А вы долго ещё погостите у нас в Пензе? – спросила меня портниха.

– Да не знаю, как дела. Вот завтра должен получить от Крестьянского банка 25 000 рублей за проданный хуторок. Жена-то уедет завтрашний день, если поправится, ну а я на недельку, пожалуй, застряну и с ужасом об этом думаю, так как в Пензе скучища смертная.

– Что так? Разве знакомых у вас мало?

– Эх, Марья Ивановна, что знакомые, какой в них толк? А кутнуть и повеселиться хорошенько и негде.

– Как негде? А хоть бы у Шевского в ресторане?

– Ну, нет-с! Вышел я из того возраста, когда кабаки да шантаны тешили: затасканные шансонетки, грязный зал, наполненный неопрятными людьми – фи, какая тоска и гадость! Мне скоротать бы вечерок эдак в семейной обстановке, окружённому молоденькими помпонами – вот это дело! Хотя бы с такими бутончиками, как ваши.

И я ткнул пальцем на мастериц.

Марья Ивановна непринужденно расхохоталась и полушутя заметила:

– За чем же дело стало? Отправляйте жену, получайте деньги в банке и милости прошу ко мне, постараемся угодить.

– А что же, Марья Ивановна, вы мне идею даёте. Давайте условимся на послезавтра вечером. Жена к тому времени, конечно, уедет, и я вольной птицей прилечу к вам.

– Пожалуйста, ничего не приготавливайте, я говорю о харче, конечно, – подчеркнул я, – так как, вина, закуски, конфеты и фрукты я привезу сам.

– Очень, очень рада буду, прошу покорнейше, жду!

И мы распрощались.

Девочке, вынесшей пакет к извозчику, я дал пятирублёвку на чай, чем и поверг её в радостное изумление.

Таким образом, господин начальник, кое-что, как видите, сделано, но надеюсь послезавтра добиться больших результатов. Что же касается Тихомировой, то вряд ли её услуги понадобятся, и она может, думается мне, вернуться в Москву.

– Нет, осторожнее её задержать здесь. Почем знать, мало ли что может быть, но, разумеется, пусть завтра же вместо Нижне-Ломовского имения переезжает от вас в какие-либо меблирашки, подальше на окраину города. Жду с нетерпением вашего следующего доклада.

Через два дня Сергеев мне докладывал:

– Есть кое-что новое в нашем деле.

– Отлично, и прошу вас, как всегда, говорить возможно подробнее, чтобы точно поставить меня в курс дела.

– Слушаю. Итак, вчера, как было условлено, я в 9-м часу вечера подъезжал к Знаменской с большой корзиной, набитой вкусными вещами. Встретила она меня как старого знакомого. Кроме 3-х её всегдашних учениц на этот раз присутствовали ещё две хорошенькие гимназистки, лет по 15 каждая. Знаменская, отбросив свой обычный строгий тон, впала в какую-то сладкую сентиментальность и приняла на себя роль нежной мамыши:

– Детки, встречайте гостя дорогого, да смотрите скорее, какие подарки привёз нам добрый дядюшка!

Девочки не заставили себя долго просить, выхватили у меня из рук корзину и со смехом поволокли её в столовую, быстро разрезали веревку, развернули бумаги и принялись извлекать из неё содержимое. Признаюсь, господин начальник, не пожалел я казённых денег. Коробки сардинок, килек, омаров, анчоусов встречались с восторгом. Апельсины, груши, яблоки и вина радовали не меньше, но что доставило, видимо, особое удовольствие, – это пятифунтовая коробка шоколадных конфет московского Альбера.

Продолжение следует...

Поэзия

Ефим Гаммер

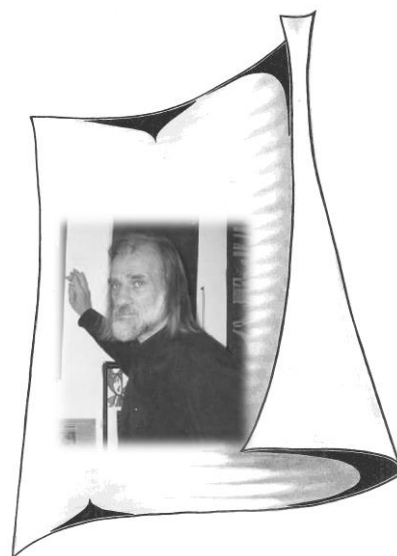
Ефим Аронович Гаммер родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге, жил в Риге.

Окончил отделение журналистики ЛГУ.

Автор 27 книг стихов, прозы, очерков, эссе. Печатался во многих журналах разных стран мира. Лауреат и дипломант ряда престижных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству.

Главный редактор литературного радиожурнала «Вечерний калейдоскоп» – радио «Голос Израиля» – «РЭКА».

Живет в Иерусалиме.

Календари обмануты дождём

* * *

Календари обмануты дождём.
Какое лето, если мокнет небо?
До перелётных птиц, пожалуй, подождём,
И в осень удалимся слепо.
Но вдруг и там не очень повезёт?
Мороз ударит, снегом запорошит.
И будешь думать: вот несносный год!
А жизнь? И жизнь не в жизнь. Так что же, что же?
Куда податься, коли путь один?
И завтра – завтра, хоть всегда сегодня,
Когда проснулся и махнул средь мин
По бездорожью, будучи свободным.

Как не петляй, но к лету добредёшь,
Пройдя тоску, депрессию и шашни.
Но если дождь, там снова хлынет дождь?
Не лучше ли вернуться в день вчерашний?
Хотя бы потому, что там задор и понт,
С любимым готов был драться динозавром.
Но ведь мечтал взглянуть за горизонт.
Так что же, не податься ль снова в завтра?

* * *

Тысячи одиноких всадников.
Сотни пустых дорог.
Почему мы в одном стаде?
Разве трудно разбрестись?
Каждому своя дорога.
Достаточно и того,
Что небо общее.
Небо одно на всех.
Там и встретимся.

* * *

— Мы останемся и тогда, когда людей уже не будет, —
сказал биоробот и ударил кулаком по столу.
— Поэтому они нас ненавидят и стремятся уничтожить.
Долговечные модели для них напоминание
О скоротечности жизни и близкой смерти.
— Не бей меня так сильно! —
Запищал стол тоненьким голоском.
— А то скатерть-самобранка не разложится
Надлежащим образом,
И вместо бокала шампанского
Получишь осколки стекла и мутную лужицу
Из непригодных для употребления алкогольных градусов.
— А мне-то что? Я не пью! —
Заявил в оправдание своего поступка биоробот,
И впервые пожалел, что он не человек.

* * *

Пространство и время.
Прорыв и борьба.
И снова не в теме,
Опять не судьба.
А солнце заходит.
Туман и дожди.
Но вдруг припогодит?
Надейся и жди!
Зыбучего Оха
Всесветный дурдом.
Такая эпоха –
Семейный альбом.

* * *

На взморье вечер.
Небо мельтешит.
И жизнь влечёт в разгуле бреда
в какой-то приворот души,
где смысла нет, и нет запрета.
Такая жизнь.
Влечёт – влечёт!
Куда? Зачем?
Спроси поэта,
пока ещё он не убит.

* * *

И Дантес в меня не стрелял.
И Мартынов не вызвал на схватку.
И любой распавшийся бал
мне отныне, как игры в прятки.
Не тот век, не тот год, не тот день.
Не те страсти, причуды, проказы.
Я сегодня – простая мишень
для сокрытого полночью глаза.

Татьяна Потёмина

Татьяна Анатольевна Потёмина родилась 24 мая 1973 г. в с. Головнино Сахалинской обл. (о. Кунашир).

Образование высшее. Работает секретарем ЗАО «Измерительная техника».

Публиковалась в коллективных изданиях.

Живёт в Пензе. Участница литературного клуба «Я сень».

Флоксы

Сестре

А помнишь, расцветали флоксы
под нашим кухонным окном?
Как будто лучики восхода,
Горели розовым огнём,
Стояли утренним туманом,
Иль стайкой нежных облаков...
Незаживающая рана...
Те флоксы – бабушки любовь.

Нежность

О нежности просить? Как хлеба?
Или как дождя? У неба?
О нежности забыть? Победа...
Просящему глоток даётся,
Что жгучей жаждой обернётся.
За облаками – солнце.
Прекрасного глоток – как воздух...
А время бешено несётся!
Когда-нибудь и мне – на отдых...

Запах ванили

Запах ванили, дурманящий, сладкий.
Вы не забыли запах-загадку?
Запах волшебный, родом из детства,
Словно волшебник живёт по соседству.
Сдобой пышной лечатся слёзы.
Пряничный домик – детские грёзы.
Торт на три слоя с кремом воздушным –
Дети, увидев, забыли игрушки,
И Цокотуха в зал залетела: –
– Он с шоколадом, милое дело!
Банка сгущёнки и банка варенья –
Сразу у всех поднялось настроенье.
...Детство прошло. Только запах ванили
И пряничный домик мы не забыли...

Бабушкин дом

Поникли розы, опьянённые дождём
И холодом сентябрьского тумана.
Стоит пустым наш старый отчий дом,
А был когда-то в жизни самым главным –

Нас собирал за праздничным столом
И в будни – ведро будь или ненастье –
И согревал своим живым огнём,
Давая жизнь и обещая счастье.

Он помнил внуков всех по именам
И одеял мозаику цветную,
И бабушку, любимую, родную,
Что часто выпекала сдобу нам.

Её тепло доныне греет нас.
Жар русской печки, дух прогретой бани
Вот-вот на нас и выдохнет сейчас
Оживший домик нашей бабы Тани.

Лебединое озеро

Легко, стремительно, маняще –
Вперёд!
Со взмахом крыльев – рук изящных –
В полёт!
Ждёт Золушек труд до заката
Иль до утра...
Боль за улыбкой можно спрятать
В па-де-труа...
Принцессы-лебеди прекрасны
И без карет.
Воздушный танец, танец-сказка –
балет.

Парк

Очарованья полон тихий парк
Осенних листьев, зимнего мороза,
Весенней свежести... Неистовые грозы
Он тоже помнит... Он ещё не стар...

Хранит очарованье чьих-то встреч,
Печальных взглядов и веселых свадеб.
И карусели в вихре лихорадит
От детских криков и от женских плеч.

Так парк десятилетиями живёт,
Себя в канву истории вплетает –
В семейных хрониках без усталости мелькает
Который год,
 который год,
 который год...

ЧЕТВЕРГОВАЯ СОЛЬ

подборка стихотворений участников и гостей
литературного клуба «Я сень»

Вадим Борзихин

г. Пенза

Чай вполголоса

Вполголоса на кухне пили чай,
За стенкой мать баюкала ребёнка.
Вдруг собеседник бросил невзначай:
«Вся жизнь – кино, а ты лишь киноплёнка»

И резко чай сменился чем-то крепким,
Мы на балкон ходили подымить,
Опять слова: «С тобой мы только скрепки,
Рождённые листы соединить»

«А что листы? – спросил я, ухмыляясь,
Он промолчал, не зная, что сказать.
И я пошёл на кухню, чуть шатаясь,
Мне так хотелось лечь скорее спать.

Мы за полночь прощались на пороге,
Он говорил, стараясь не кричать:
«На этом свете мы не одиноки,
Ищи, дружок, кого соединять»

Он убежал, в карманы пряча руки,
На кухне я сидел у стенки тонкой.
Вдыхая ночь, я вслушивался в звуки:
За стенкой мать баюкала ребёнка.

Дарья Зайцева

г. Пенза

Ночь

Пленяет облик ночи тёмной,
Хранит двуличия печать.
Кем ты сегодня стать готова,
Чей образ хочешь ты принять?

Завьёшься ль стайей воробьиной?
Свернёшься ль кошкою в клубок?
Сокроешь много тайн от мира,
Их унесёт потом восток.

В тебе тревогу страсть сменяет,
В тебе кружиться масок вальс —
Одна другую раскрывает...
А кем ты станешь в этот раз?

Наталья Елизарова

г. Москва

* * *

Нет Руси больше Киевской, сколько ни голоси,
брат на брата идет, как Ольга — мстительно — на
древлян.
Как глядеть с надеждою в неба синь,
если стреляют, Господи, у Кремля.
Возвращаться домой в темноте, от себя отпускать детей,
в двадцать первого века садиться пустой вагон.
Жить в бездушье, неверии, немоте,
задувать огонь и вновь разводить огонь.
Пеплом голову — прожито, также не сбережешь
ни рубля в стекле, ни Спаса собор в Кремле,
но Царь-пушка выстрелит, и промчится земная дрожь,
и появятся трещины в императорском хрустале.

Наталья Горбачёва

г. Пенза

* * *

Сон

Этот сон можно было смотреть без конца:
Ты навстречу протягивал сильные руки,
И они – два крыла – обнимали меня
После долгой, мучительной, страшной разлуки.
И вокруг тишина, но от рвущихся слов,
Как от солнца весной, было некуда деться.
И стучало в груди, будто гулкий набат,
От внезапной любви ошалевшее сердце.
Этот сон можно было смотреть без конца...

Анна Коржабина

г. Москва

Башня из пепла

I
– Перед звёздной дорогой
Стою без ответов,
Наша встреча похожа на пропасть без дна.
Я забыла так много,
Но светится лето,
И мы едем верхом, и ты держишь меня...
– Ты забудешь про долг,
И я тоже забуду,
Сколько раз ускользала победа из рук,
Сколько было дорог
И кровавых, и трудных,
Как судьба заносила топор... помню звук.

– Где-то в башне из пепла
(Теперь она наша).
Мы увидимся снова, и ты не уйдёшь.
Будет траурным небо,
И тучи, как сажа,
Но не будет рыдать погубивший нас дождь!

II
И была любовь, как башня,
На которую не влезть,
Но казалось самым страшным
Испугаться и жалеть.
Восхищаться может каждый,
Только сильный может сметь!
И была любовь, как жажда:
Утолить иль умереть?
Всё измениться однажды,
Водной гладью станет твердь,
На руинах вашей башни
Понял я, что значит смерть.

Людмила Сretenская

г. Пенза

БАБЬИМ ЛЕТОМ

Ещё жара покоит лес,
И травы зеленеют в поле.
Ещё прозрачна синь небес,
Листвой играет ветер вволю.

Но по утрам седой туман
От речки тропочкой вползает,
И звёздный августа роман
Сухою прозой завершает...

Роняет яблоня плоды,
Бездумно, ветрено роняет...
И целый мир оповещает,
Что лета кончатся труды.

И думы, грустные порой,
Невольно след свой оставляют.
Тревог, сомнений горький рой
Всю радость жизни отравляет.

Но не считай свои года
И не спеши считать морщинки.
Ещё далёко холода,
Упрячь подальше взгляд
с грустинкой...

Ещё не падал с клёнов лист,
И тёплым будет бабье лето.
И тонкий запах яблок чист,
Жизнь хороша! Ты помни это...

Валентина Филатова

г. Сердобск Пензенской области

Дождь

Дождь стучит по стеклу,
Словно просит впустить,
Тянет, видно, к теплу:
В доме печка горит.

Эх, погреться б ему
Да унять дрожь теплом.
Как впустить? Ни к чему.
Пусть уж льёт за окном:

– Дождь, рисуй на стекле,
Не просись, мокрый, в дом,
Испаришься в тепле,
Оставайся дождём.

Мидия Селкова

г. Краснодар

Осень

На Ставрополье осень входит позже
В свои права деревья наряжать.
Давно в Поволжье золотая осень,
И нам пора уж лето провожать.
Ещё целы на соснах шишки,
Листок кленовый, словно изумруд.
Лишь липы, будто солнечные вспышки,
Да сентябринки фиолетово цветут.
Так неожиданно придут морозы,
Замёрзшие листочки облетят,
Не станут ярко жёлтыми берёзы
И листопадом золотым не удивят.

Юрий Сычевский

г. Сычёвск Смоленской области

Рана-трава

*На которой траве коса переломится
в Иванову ночь, та и разрыв-трава.*

В. Даль

Может правда то было, а может и нет,
но один раз в семь лет
у подножья холма, когда всходит луна,
дивным цветом вдруг светит трава.

Дивным цветом вдруг светит трава,
и шелестит таинственно она неведомы слова.
Знать волшебною силой наделена.

В месте том, у подножья холма,
в те далёкие времена одиноко
в сторожке старушка жила.

Одиноко в сторожке старушка жила,
но когда-то она молодою была!
Вот когда она молодою была,
то в селенье своём красотою слыла.
Да, видать, неземной красота та была,
коль свела она ею с ума полсела.

В той, мужской, половине села
началась меж собою война.
Меж собой началась война,
чтоб кому-то «своею» досталась она.
А в другой половине села
зависть к ней расцвела.
Зависть так расцвела:
стала хуже она чем война.

По селу прокатилась молва:
«Никакая не дева она,
а в село к нам явилась колдунья сама!
Потому мужиков за собой повела
от других девок, баб она их увела.
Ну, а если колдунья она,
то и жить среди нас не должна!»

Так, не чуя душою всю тяжесть греха,
запустили к ней в избу они «красного петуха».
Убежала от горя бедняжка тогда,
у подножья холма затаилась одна.
Простя людям их грех, зависть их, роковую молву,
тихо годы жила: то слезой, то молитвой растя ТУ траву.
А душой оставалась чиста и светла:
как в Крещение такою бывает вода.

Постепенно, зимою и летом,
за травкою ТОЙ и за добрым советом
потянулись к ней люди ходить:
наговоры умела и хворь отводить.
Видно Бог, сам ей в этом помог.

Вновь вернулись в селенье и мир, и покой,
да ещё в нём возник облик девы святой.
Есть такое а природе людской:
от себя они гонят вначале, а потом называют святой.
И почему-то думает простой народ,
что в чистой красоте – «нечистая» сила всегда живёт.
Прошли долгие годы, прошли те времена,
да и память людей «трын-травой» поросла.
Помнить будет об этом лишь рана-трава,
та, что раз за семь лет зацветёт у подножья холма,
в час, когда в небо восходит печально луна.

Виктория Хвалова

г. Щёлкино, Республика Крым

Эти длинные письма

Эти длинные письма,
С припиской PS,
Запылились изрядно
И выцвели даже...

Только помню, –
Взлетала душа до небес
От ласкающих фраз
И признаний бумажных...

Как всему есть причина
Так есть и итог,
И фанфары любовные
Смолкли однажды...

Будто, утром подаренный
Нежный цветок,
Превращается вечером
В фантик бумажный...

* * *

Вот было б классно
Лежать,
Глядя в небо.
Не Аустерлица, конечно,
Но всё же...

«Боже,
Как хорошо
Мне будет в больнице.
Хорошо навсегда» –
Я подумал, когда
Заблудился и вышел
На какое-то минное поле,
Ты сказала: «Ляг рядом,

У нас хорошо
Лежать в полудрёме».
Но это ж не дело,
Я завтра опять –
Дежурю
На пулемёте.

И чем эта тоска,
Лучше на бруствер
Полезть,
И поймать злую пулю,
И лежать,
Глядя в небо.
Не Аустерлица, конечно.
Но
Всё же.

Лучше б я согласился тогда,
И ребёнком,
Обняв всё и вся,
Смотрел сериал.
И не ездил,
Никогда,
Никуда.

Василий Брехов

г. Пенза

Из размышлений

Заносчивые взгляды высоко не заносят!

Можем говорить всерьёз о международной обстановке, потому что носим китайские трусы, казахские носки, европейские обноски, едим египетскую картошку с еврейскими огурцами?

Удивляюсь: почему в нашей Думе так много глупых иностранцев, ведь у нас своих девать некуда.

Многие россияне называют раем турецкие гостиницы, видимо, потому, что там «всё включено».

Ищущий ересь – найдёт её и в десяти заповедях!

Лампе Аладдина не нужно керосина.

Как часто люди, погружаясь в новые потребности, отбрасывают старые обязанности!

Болезненно-прогрессирующая аллергия на остальных – свойство мнящих себя индивидами.

Огородив себя частоколом заведомо неверных мысленных установок, мы тем самым уподобляемся собаке на цепи, которой ничего не остаётся, как облаивать каждого, появившегося в поле зрения.

Наиболее точное определение букваря на сегодняшний день – бакс-варь, а в евроварианте – евровит.

ДЕТИ-ДИПЛОМАНТЫ КОНКУРСА
«ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ 2020 ГОДА» ПОЛУЧИЛИ

Вера Шорстжина

г. Пенза

На перроне

*Дороги, верно, у нас изменятся безмерно.
А. С. Пушкин*

В глазах смешались рельсы, шпалы,
Перрон, вагоны, фонари.
Отходят снова от вокзала
Часы, минуты, годы, дни.

Темнеет. Ярче свет фонарный.
Всё громче, ближе шум колёс.
Гудок вокзала взвыл внезапно:
Гремит по рельсам тепловоз.

Прошел состав без остановки,
И гул колёс унесся вдаль.
Так нашей жизни зарисовки
Приносят тихую печаль.

Пионеры-герои

*Зине Портновой, Лёне Голикову, Вале Котик,
Марату Казею, Борису Кулешину и другим
пионерам-героям Великой Отечественной
войны посвящается.*

Я жизнью обязан
И ей, и ему.
И девочке той,
И мальчишке тому.

Им лет было мало,
Почти как и мне.
Но вдруг, так совпало,
Узнать о войне.

Узнать не из книжек,
Узнать не в кино.
Для них, ребятишек,
Вдруг детство прошло.

Прошло – не вернется.
Война отняла.
Не светит им солнце,
Весна не пришла.

О Лёне, о Зине
Я слышал не раз.
О подвиге смелом
Читал я рассказ.
Володя и Валя,
Марат и Борис...
Они не узнали
Какой стала жизнь.

Они не видали
Салюта побед.
Их галстуков красных
Потух яркий свет.

Герои – мальчишки,
Девчонки под стать.
Со сказками книжки
Тогда б вам читать.

Я жизнью обязан
И ей, и ему.
И девочке той,
И мальчишке тому...

Виктория Батарова

г. Москва

Мама дождя

Я вчера, мама, дождик впустила:
Он стучался так сильно и долго.
Чашку чая ему заварила,
Предложила варенья немного.
Он в ответ лишь заплакал сильнее,
Как ребёнок покинутый, прямо,
А потом вдруг спросил с нетерпением:
«Вы не знаете, где моя мама?»
Капли, тихо вопрос повторяя,
По щекам меня трогали мягко,
И свой путь навсегда завершая,
Замирали в карманах и складках.
Мокрый след дождь оставил повсюду:
На полу, на столе, на пижаме –
И всё спрашивал голосом чудным;
«Вы не знаете где моя мама?»
Никуда не уйти от ответа.
Я слезами лицо умываю
И кричу на вопрос долгий этот:
«Извини, милый Дождь, я не знаю».

Улетел, не прошло и мгновенья,
Мокрый след лишь оставил на раме.
Слышу эхо дождливого пенья:
«Где же ты, где же ты, моя мама?»

Сказки Андерсена

- Вы читали сказки Андерсена?
- Разумеется. Ведь из поколения в поколения дети читают эти сказки, которые сначала слышат от родителей.
- А видели ли Вы глаза детства в сказках Андерсена?
- Видела.
- И какие же они?
- Взрослые. Глубокие, мудрые и светлые.
- Что же в них отражается?
- Вся жизнь. Необъятность её дорог, закрученность поворотов... и главное: в них отражается Надежда, что все дороги ведут к счастью.
- Да? Так почему же я всего этого не видел?
- Не видел? Перечитай. Как бы прекрасны ни были глаза – слепой их не увидит. Сначала надо самому прозреть.

Книга ласточкиных мыслей

Я нахожу вдохновение на берегу реки, среди ласточек.

В звонком утреннем щебете этих маленьких птичек, летающих в поисках глины для гнёздышек, всегда раздаётся шёпот музыки. Так часами, сидя у воды, я наблюдаю за проворными созданиями, и ласточкин мир всё больше открывается мне – я проникаюсь им.

Как же прекрасна каждая птица, ведь у неё есть неповторимая душа, глубокие мысли, которыми ласточка делится с подругами. О чём она думает? О чём постоянно поёт? Мне кажется, если бы я понимала язык этих прелестных существ, то написала бы целую книгу ласточкиных мыслей! Хотя... Разве уместились бы они все на нескольких страницах? Думается мне, мысли этих птиц также бескрайни и неисчерпаемы, как природа, так что никто не сможет написать о них книгу, ибо она бесконечная...

Как хорошо, что истинный смысл ласточкиной песни сокрыт от нас, как и смысл мяуканья кошки, жужжания мухи, да и просто дуновения ветра. Мне кажется, за всеми этими звуками и скрывается целомудрие природы, которое человек не тронет никогда, и это прекрасно!

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей Арутюнов

Сергей Сергеевич Арутюнов родился в 1972 году в Красноярске. Окончил Литературный институт по специальности «Поэзия» (семинар С. И. Чуприна и Т. А. Бек). Печатался во многих российских журналах, в газетах «Книжное Обозрение», «Литературная Россия» и «Литературная газета» и во многих других печатных органах.

Доцент кафедры литературного мастерства Литературного института им. Горького главный редактор портала «Правчтение» издательского совета РПЦ.

От редакции. На первый взгляд, этот текст не имеет отношения к публицистике, но если заглянуть поглубже...

Неотменимая ценность

Они копятя в моём доме словно бы сами собой, уже не в толстых обложках, облегчённые, поэтические и прозаические, изданные порой с видимым трудом, а порой и с лёгкостью – вольных типографий теперь пруд пруди – куда как далёкие от фундаментальности прежних лет – книги, книги, книги...

Сколько помню себя, они были рядом.

Отец умело и, может быть, безотчётно, развил во мне ничем не пресекаемое убеждение в том, что каждая новая книга – счастье, высочайшее бескорыстное наслаждение открывающимися горизонтами. Начал с малого: возвращаясь работы (с «Авиамоторной» на «Киевскую»), неизменно проходил через круглый зал вестибюля метро, где даже под вечер весьма удачно (1970-е гг.) торговали детскими изданиями.

«Малыш», «Детская литература» – вот имена тогдашних «лидеров мнений» «подростающего поколения». Журналы «Колобок» (приложение к более взрослому «Кругозору») и «Пионер» пестрели выдумкой, понуждали вдруг унести мыслью к таким дальним берегам, на которых не каждый взрослый способен побывать даже сегодня, в пору разгульных странствий когда-то закрытой страны по миру.

Москва и Россия, Европа и космос, история и география... революционная идеология тоже была, особенно к праздникам (7 ноября, 22 апре-

ля), но я и не морщился от неё, не подозревая, какая кровь пролилась во имя звонких слов, хотя мне о ней постоянно намекали.

Жадно впитывая интонации и само существо дела – ах, да не всё ли равно, что там, проза ли, стихи! – я погружался в омут «познания» тем сладостнее, чем охотнее отступала в тень томительная экзистенция спального района.

Отчётливо помню – природа по интенсивности восприятия всегда была на последнем месте. Природы я не знал, и скорее удивился бы ей, окружённый бетонными коробками и их выровненным по ним бытом газонов, клумб и крохотных, «для приличия», скверов. Зато войны и иные формы – да-да, насилия – противостояния, приключения-путешествия влекли необычайно. Понадобилось совсем немного времени, чтобы состоялся плавный переход к фантастике – настоящим, в настоящих обложках книг о мирах, безмерно отдалённых как во времени, так и в пространстве.

Так или примерно так вступало на великую арену битвы умов моё поколение, и не мечтая, что когда-нибудь сможет стать её активной, деятельной частью. «Поэт» было понятием заоблачным. Его несколько обременяла приставка «советский», но в целом с поэзией всё было вполне пристойно: старинный жанр, медленно отживающий своё, уступающий место «бойкому репортажу»... почему бы и нет. Поэзия понадобилась гораздо позже – когда стало ясно, что дальние миры так и останутся дальними для большинства из нас.

Отряд космонавтов ушёл без нас. Где было нам угнаться за ним, особенно в годы, когда страна, накренившись, покатила с горы...

Итак, мы внимали, затаив дыхание. Ещё не было в нас, как в первые дни Творения, ни понятия стиля, ни композиции, они в молодом сознании ещё не образовались, но уже чётко стоял в центре книжности верховный принцип: ТЕКСТ ВАЖНЕЕ КАРТИНКИ, ТЕКСТ ИСЧЕРПЫВАЮЩ. Чем полнее ты представляешь его (визуализируешь), тем больший ты артист, мечтатель чудес. Книги, как и фильмы, в школе ПЕРЕСКАЗЫВАЛИСЬ прямо на переменах – забытая, похороненная институция...

Иллюстрация – я благодарен, о, я – благодарен! – подсвечивала текст, придавала ему дополнительное измерение. Временами не соответствуя тексту, обедняя его, фиксируя то, что не должно было фиксироваться, иллюстрация была куда ниже, чем Дант при Горации или наоборот – слугой, открывающим двери для тех, кто ещё не умел видеть главного. Кто мог думать, что когда-нибудь она начнёт бунтовать против текста, пытаться занимать определяющее положение!

С особенным уважением относились к тем, кто читал книги толстые. 1960-х гг. издания почему-то ценились больше других: предшествующее нам десятилетие отнеслось к книгоизданию как-то совершенно по-своему, и необычайно близким нам способом. В оформлении уже не было снобист-

ской, идущей от XIX столетия академичности – тома подчинялись не «мундирной моде» на корешки определённого фасона, а индивидуальному художественному решению, и сами просились и в сумку, и в ранец, и в любую дорогу.

Они сопровождали нас в пионерских лагерях, встречаясь там со своими библиотечными братьями и сёстрами, покорно следовали за нами в детские больницы, радостно отправлялись на дачи, входили в непременный набор советского школьника (кружка-ложка-вилка-нож-зубная щётка-паста-носовой платок).

Читая, можно было отстраниться даже от сильной неприязни, например, соседей по палате. Читая, можно было сделаться интересным незнакомой компании.

Чтение было паролем и ключом к дружбе. «Что читаешь?» – вопрос, от которого зависела будущность нахождения в «достойном кругу единомышленников», и – да! – маленьких интеллектуалов, а не мелкой шпаны, увлечённой скучным стяжанием материального.

Книги оставались с нами и в «эпоху перемен», когда все знаки нашего прочерченного инженерами и душ, и тел, и умов, шутовски начали преворачиваться. В пору доучивания в вузах, не переставших быть в основе своей советскими, во времена безработицы книги говорили нам – успокойся, пройдёт и это, всё встанет на места. Помнишь? – на это «помнишь» и откликалось всё затаённое, убранный подальше от «новых времён».

Мы были счастливы с книгами, потому что не были счастливы ни с социальной сферой, ни, по большому счёту, с людьми. Единство с книгой, читательский труд, никем ещё не измеренный в каких-либо единицах, по прошествии множества лет удивительным образом остаётся в памяти как лучшее воспоминание... Иногда даже близость не имеет власти перебить ощущения абсолютной свободы за интимным – куда интимнее чего-либо! – чтением.

Таковыми были и остались мы, погружённые сегодня в сомнамбулическое созерцание социальных сетей, чтение уже более хаотического, чем в детстве – интернет-чтения. Кажется на секунду-две, что появление Сети пришлось почему-то как раз на тот самый момент, когда мы стали тяготиться – нет, не книгами, но – безусловностью одной книги и недоступностью в тот же момент иной, сразу же, по щелчку. Мы, человеческая цивилизация в целом и общем, вдруг захотели сделать так, чтобы в одной книге были тысячи и миллионы книг разом, и вот – эпоха «ридеров» возшла над нами и, кажется, уже потихоньку спадает.

Если читать книги умеет самый простой не кнопочный телефон, в какое время мы имели неосторожность наступить?

Продолжение следует...

Юмор

Алексей Питиков

Питиков Алексей Алексеевич родился 5 января 1956 года в г. Уфа тогдашней БашССР.

Окончил Пензенский политехнический институт. Инженер, офицер запаса.

Занимался в литобъединении «Поиск». С большой благодарностью вспоминает его руководителей – Александра Сазонова, Ларису Качинскую, Николая Куленко, Лидию Терёхину.

Автор одной книги. Публиковался несколько раз в местных газетах и коллективных сборниках.

Участник литературного клуба «Я сень».

Как пиццать деду

Семилетняя внучка разглядывает упаковку от моих таблеток и старательно читает. Потом спрашивает:

- Дед, а ты лекарство уже выпил?
- Да, Маша. А что такое?
- А ты как пиццал, – как мышка?
- А почему я должен был пиццать?
- А тут так написано.

Показывает. Читаю: принимать один раз в день после первого приёма пищи.

Хочешь – не хочешь, а пищи, раз в инструкции написано.

Научный спор

Метанье молний.
Поиски пророка.
В пылу не раз переходился Рубикон.
А истина
валялась где-то сбоку
Не нужная ни капли
каждой из сторон.

Совесть

Нужна ли совесть?
Без сомненья!
Она необходима всем.
Своя – для самоутешенья.
Чужая – для решения проблем.

Артём Артеменко

Артём Владимирович Артеменко родился 25 сентября 1982 г. в г. Междуреченске.

Окончил Новосибирский государственный университет экономики и управления.

Публиковался в альманахе «Авторъ», журнале «Ёрш».

Селфи с Наполеоном

Современный человек, как и его далекие первобытные братья, обуреваем жадной собирательства. Впрочем, ныне для этого древнего занятия придумано вполне современное и довольно эффективное название – «коллекционирование». Одни, отдавая дань традициям, собирают марки, полотна мастеров или старинные монеты; другие, резко выделяясь из толпы нумизматов и почитателей марок, коллекционируют всякую всячину: от пивных кружек до диковинных яхт с золотыми штурвалами.

Есть еще третьи – неумолимые охотники за автографами и любители селфи.

Довольно часто приходится наблюдать, как знаменитый киноактер, ступая по ковровой дорожке в Сан-Себастьяне или Карловых Варах, ловко уворачивается от тысячи жадных рук, жаждущих прикоснуться к кумиру.

Довольно часто можно встретить где-нибудь на выставке или даже в зале книжного магазина какого-нибудь писателя маститого, под бдительным взглядом литагента штампующего корявые памятные надписи на обложках собственных книг: «В дар неизвестному читателю от маститого писателя...»

Довольно часто можно увидеть теннисиста – абсолютно мокрого, с махровым полотенцем на шее, только что отбегавшего свои четыре часа под палящим парижским солнцем, который вынужден фотографироваться со всеми подряд – от супервайзера до слюнтявого мальчика из первого ряда.

И папа на Пасху передвигается исключительно в бронированном папамобиле.

Думается, рады бы теннисисты и писатели не заниматься всякой ерундой – и голова раскалывается, и во рту уже пересохло, но деться никуда нельзя. Ведь если автографы раздаются, значит, это кому-нибудь нужно?..

А теперь представьте, что какой-нибудь не в меру ретивый изобретатель втихую создаст-таки на собственные средства машину времени. И будет она стоять у него в кухне – новехонькая, красивая, отсвечивая на солнце полированными боками. Но дабы убедиться в том, что это действительно машина времени, а не банальный холодильник, жизненно необходим последний, завершающий штрих – эксперимент. Всенепременно стоит отправиться в будущее, лет этак на двести вперед, или, допустим, в прошлое, лет этак на двести назад, во времена того же Наполеона.

Чем же будет заниматься в прошлом наш изобретатель-экспериментатор?

Догадываетесь?

Вот именно.

Наполеон, только что отправивший в Париж бумаги графа д'Антрега, чрезвычайно довольный собой, прогуливается, допустим, возле своей палатки, вдыхая свежий вечерний воздух. Жизнь прекрасна и упоительна. Австрийцы практически повержены, двурушник Пешигрю разоблачен. Кровавый закат приятен генералу Бонапарту.

И тут вдруг...

– Мой генерал, тут к вам человек...

– Что?! Какой человек?!

– Впервые вижу, ваше превосходительство.

– Австрийский парламентар?

– Не знаю, ваше высокопревосходительство.

– Тогда, может быть, депеша из Директории?..

– Кажется, нет, ваше высочество.

– Неужели соцопрос?

– Точно нет, ваше величество. Социологов мы сразу в шею гоним!

– Чего же он хочет, этот неизвестный?

– Он желает видеть вас, мой генерал...

Наполеон чешет в затылке, морщит нос. Добро бы, это была женщина – пусть даже и ирландка... Но, поразмыслив, он все-таки делает легкое движение ручкой: ведите, мол...

И пред наполеоновы очи предстает наш изобретатель-экспериментатор. Сказать ему, в общем, нечего, поэтому разговор начинается полководец. Слово за слово, и вот уже Наполеон ведет речь о своих нынешних затруднениях: Австрии, можно считать, капут, а дальше-то куда?..

– Отдыхать! – брякнет экспериментатор. – В Египет!

– Куда-куда? – удивленно вздернет брови Наполеон.

– В Шарм-Эль-Шейх, – пояснит изобретатель. – Или в Хургаду. Солнце, море, пляжи, пятизвездочные отели...

– Пятизвездочные, – нахмурится Наполеон. – А как же эскадра одноголзого?

– Да бог с ней, с эскадрой, – ответит любитель селфи, точно заправский фокусник, извлекая из кармана смартфон. – Вы лучше встаньте справа, мой генерал, и не двигайтесь, иначе не получится ни черта...

– Что не получится?

– Ни-чер-та!..

И Наполеон с открытым ртом наблюдал бы, как странный незнакомец неуважительно поворачивается к нему спиной и вытягивает вверх и в сторону правую руку с зажатым в цепких пальцах неким блестящим предметом, похожим на обычное зеркальце. И в отражении этого зеркала Наполеон увидел бы кривляющегося, смеющегося незнакомца, а на заднем плане – самого себя, и свою палатку, и багровый закат, и солдатские костры...

– Улыбочку, мой генерал!.. Секундочку!.. Снимаю!.. Отлично, мой генерал!..

А заполучив заветный снимок, гость стремительно исчезнет со словами: «Ну вот, Петрович теперь помрет от зависти...».

И это будет только начало.

Затем в прошлое отправятся туристы.

В прошлое понаедут папарацци.

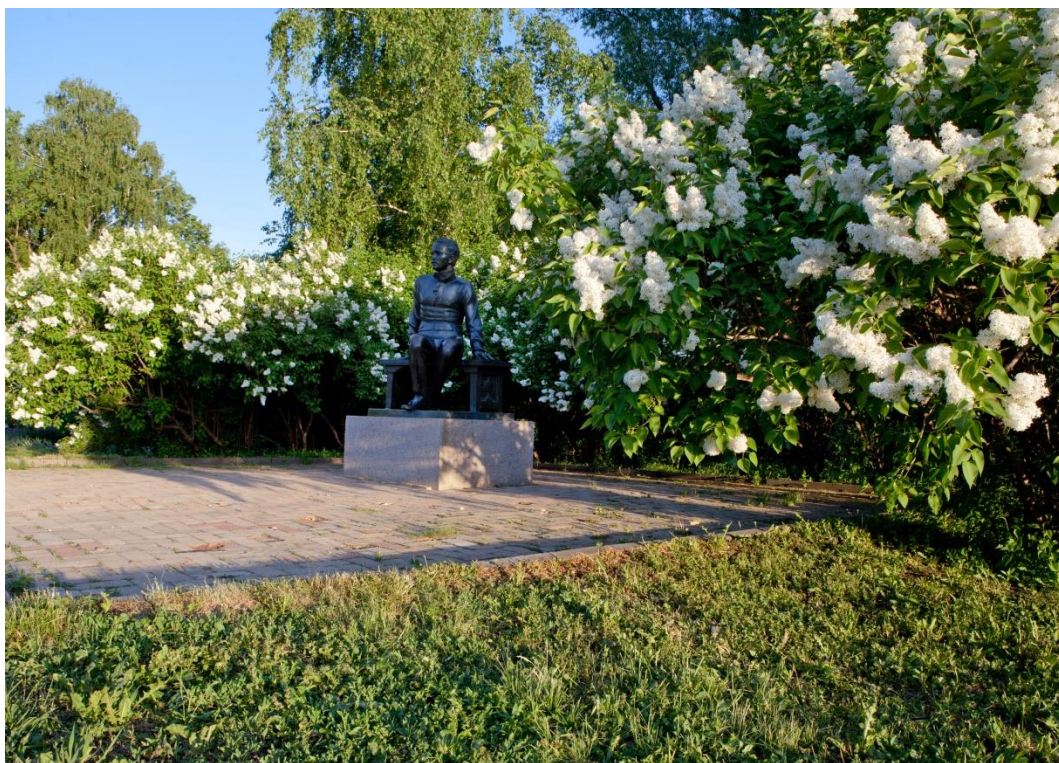
В прошлое ринутся орды экспериментаторов-коллекционеров.

Что им какие-то селфи да автографы? Они даже египетские пирамиды растащат по кусочкам.

ЭТО ВЕЧНОЕ ЧУДО ТВОРЕНИЯ

Фотографии с пензенского форума любителей-краеведов
"ПЕНЗОВЕД.РФ", основанного 6 июня 2012 года в г. Пензе

КРАЕВЕДЕНИЕ

Елена Витальева

Елена Витальева (Елена Витальевна Винниченко) родилась 18.08.1953 г. в Москве. Работала инженером в НИИ и аудитором, возглавляла маркетинговую компанию по составлению базы данных в области производства, культуры и туризма Республики Карелия. В настоящее время ищет свои родовые корни в Пензенском крае. Живёт в Наровчатке.

Автор книг «Камни под ногами», «Хранитель», книжной серии «Была усадьба в старой Пензе»; публиковалась в журнале «Культура провинции» и СМИ. Член литературного клуба «Я сень».

Об утраченной пестроте прошлого

Когда в начале XIX века мальчик Миша приехал в Пензу из имения своих родителей – деревни Тужиловки, что располагалась близ с. Рамзая Мокшанского уезда, то был просто очарован увиденным:

«Боже мой, что за дома! Каменные, раскрашенные разными красками, с лавками, балконами, с итальянскими окнами, в два и даже три этажа! Что шаг, то новое удивление: вот зеленый дом с красной кровлею и огромными белыми столбами; вот розовые палаты с палевыми обводами около окон; вот дом совершенно пестрый, на воротах – голубые львы с золотою гривой, – какое великолепие!» (из романа М. Н. Загоскина «Искуситель»).

Сейчас нам смешно представить такое «пёстрое великолепие» в городской архитектуре, да еще в сочетании с европейским «пастельным классицизмом». А то, что в яркие контрастные цвета были окрашены именно классические ордера античной архитектуры, можно убедиться, взглянув на гравюру конца XVIII века, где изображена улица Московская г. Пензы того времени.

Но тяга к пестроте у пензяков становится объяснимой, если вспомнить, что первопоселенцы города: черкасы, эрзя, мокша, татары, но главным образом, русские, несли традиции многоцветия и в своих нарядах, и в

народных промыслах (украшение утвари, игрушек, ткачестве и др.), и в оформлении жилищ. А сложившиеся вековые традиции, это, прежде всего, знания, те знания, которые передавались из рода в род не нравоучительными многочасовыми лекциями, а посредством знаков и символов деревянного узорчья, народной вышивки, волшебных звуков музыкальных инструментов и цвета.

Слова «свет» и «цвет» не просто похожи по звучанию. И в древние времена было известно, что «Белый Свет» – многолик и многоцветен, а белый цвет включает в себя всю радугу цветов.

Многоцветие строений: русских теремов, изб, храмов повторяло многоцветие самой природы (вот и еще однокоренные слова: цветы и цвет). Как же можно было, имея за плечами свою многовековую культуру, за короткий срок изменить ей, начав строить дома европейские и носить одежды немецкие? Конечно же, долго сопротивлялись.

Именно поэтому, новые архитектурные тенденции аристократической дворянской столицы – Санкт Петербурга, которые вызывали к жизни новые представления о красоте, новые эстетические идеалы, тоже воспринимались пензяками с большим трудом. Им гораздо ближе были патриархальные вкусы столицы купеческой, вкусы, основанные на древнерусской деревянной «узорчатой» и «пестрой» архитектуре древней Москвы.

И, думаю, совсем не случайно этот мальчик, которого так восхищало многоцветие домов старой Пензы, когда вырос, стал первым директором Оружейной Палаты в Москве и автором первых в России исторических романов – Михаилом Николаевичем Загоскиным.

Лариса Москвитина

Лариса Борисовна Москвитина родилась 02.07.1952 года в городе Курган-Тюбе республики Таджикистан.

Окончила исторический факультет Душанбинского государственного педагогического института им. Т. Г. Шевченко.

Публиковалась в коллективных изданиях литературного клуба «Я сень», журнале «Четверговая соль».

Участница литературного клуба «Я сень».

По суворовским местам

Целый год мечты – добраться до церкви в Мерлинке – становился явью. Солнечным утром второго бабьего лета мы отправились в дорогу. Мы – это председатель общественной организации «Сурский мир» и автор проекта «Суворов» Александр Васильевич Кукаев, архитектор Алексей Николаевич Зорин, писатель и руководительница нашего литературного клуба Лидия Ивановна Дорошина и я.

Дорога из Пензы по направлению к Лунино в янтарно-зелёном обрамлении лесопосадок то ныряла в распадок, то взлетала на очередной пригорок. Перед большим баннером с портретом А. В. Суворова и дорожным указателем машина резко свернула влево, на Болотниково. Потянулись убранные поля опытного хозяйства. Ехали по правой, низинной стороне, вдоль реки Шукши. Весь её извилистый путь на равнине хорошо прослеживался по густым зарослям ивняка. Промелькнула Липовка и на высоком, крутом левом берегу раскинулась панорама Нарчаткина леса и Улишни¹. В годы моего детства это место служило для выпаса совхозного стада и скота жителей деревни Ферлюдинки.

На границе между деревней и пастбищем возвышается высокий Сарматский курган, который называют ещё курганом Мерлина. Вдали, на холме видна мерлинская церковь, а за ней, на горизонте, тянется гряда холмов – Подкова.

¹ Улишня – левый пологий склон берега реки Шукши в районе деревни Ферлюдинки.

Минуем Болотниково. Едем дальше, в Суворово – это первый пункт нашего сегодняшнего маршрута¹. Останавливаемся на въезде в село. Здесь, А. В. Кукаев и А. Н. Зорин определяют место установки символического знака с названием села, гербом рода А. В. Суворова и то, какие материалы нужны для этого. В центре села имеется большой, величиной с два футбольных поля – Суворовский плац. В обход его идут грунтовые дороги. На их развилке и намечают осуществить установку знака.

К нам подъезжает на велосипеде подросток. Знакомимся. Алёша – единственный на всё село школьник. Велосипед для него – не развлечение. Он необходим для поездок в Болотниковскую школу – за 5 километров от дома. Мужчины, как со взрослым, здороваются с ним за руку. Прежде ему предложено было наблюдать за порядком на мемориале полководца, и мальчик гордится, что ему поручено такое ответственное дело.

Суворово сегодня – небольшая деревня, добрая половина домов в которой пустует. Храм Владимирской Богоматери, заложенный знаменитым соотечественником, находится в плачевном состоянии. На кровле поднялся молодой березняк. Колокольня отходит от основного здания, которое тоже заметно потрескалось.

Пензенские энтузиасты и потомки знаменитых уроженцев пензенщины хотят возродить величие малой родины А. В. Суворова. В проекте по созданию Музея и Центра спецназа в Суворово, поддержанном советником по культуре при Президенте России М. Ю. Лермонтовым, потомками генералиссимуса С. А. Суворовым и С. А. Леонтьевым, внуком пензенского губернатора – А. Б. Кошко, создателем ВДВ – А. В. Маргеловым и другими, предусматривается:

- Создание и регистрация международного общественного гражданско-патриотического движения «Суворовский полк».
- Сооружение часовни иконы «Непобедимая Держава», дарованной афонскими старцами на благое начинание.
- Восстановление памятника А. В. Суворову в первоначальном виде.
- После временной консервации восстановление храма.
- Подготовка и проектирование Генерального плана села Суворово с размещением военно-духовного Центра – комплекса обучения молодёжи в традициях воинской стратегии и тактики А. В. Суворова – как будущих воинов элиты спецназа.
- Создание музея А. В. Суворова.

¹ Село Суворово – по данным М. С. Полубоярова (кн. «Весь Пензенский край. – М., 2016 г.», в 1902 году это село Маровка с каменной церковью Владимирской Богоматери, заложенной самим Суворовым в 1791 году по случаю взятия Измаила, школой, двумя овчинными заведениями, двумя синильнями, двумя сапожными заведениями. В 60 дворах из 100 крестьяне изготавливали соломку для спичек.

– Оборудование «Суворовских» родников», в окрестностях села Суворово и Мерлинка.

А мы отправляемся дальше. Свернув с основной трассы, по громыхающему железному мосту, переезжаем Шукшу. Минуем Назарьевку¹.

Здесь просёлочная дорога идёт резко в гору – поднимаемся на Подкову. Малонаезженной грунтовой дорогой проезжаем мимо несуществующей ныне Надеждинки². Зброшенные яблоневетые сады приглашают отведавать своих плодов. У поворота в бывшую деревню, словно ёлка, украшенная красными шарами, яблоня. Алексей Николаевич останавливает машину, и мужчины набирают пакет крупных красных и не одичавших ещё яблок.

Дорога сворачивает вправо и вдоль лесополосы идёт к Орешнику. Здесь до революции жил богатый скотовладелец Валёк. Его хутор, построенный у родника, так и назывался – Вальков двор. В 1918 году хозяин бе-

¹ По данным М. С. Полубоярова (кн. «Весь Пензенский край»), в 1910 году в селе Назарьевке имелась каменная Архангельская церковь (это великолепное архитектурное сооружение, подобное храму Христа Спасителя в Иерусалиме, только более масштабное, сохранилось в основных своих параметрах – Л. М.), 182 двора, церковно-приходская школа, 5 мельниц, 2 кузницы, 2 лавки.

² В Надеждинке, по сведениям Полубоярова (см. тот же источник), в 1910 году был 41 двор, 26 кирпичных сараев, работала земская школа. Кирпич из Надеждинки возили на Нижегородскую ярмарку. Все церкви в окрестности, дома зажиточных крестьян и торговые лавки были сложены из этого кирпича.

жал в Канаду, где, наверное, и сейчас живут его потомки. А родник поныне славится вкусной водой и даёт начало речушке Мердянке, впадающей в Шукшу.

По лесной ухабистой дороге спускаемся к Ферлюдинке и от центра этого села поднимаемся к Мерлинке.

В 1910 году Мерлинка была волостным центром Мокшанского уезда. Здесь было 94 двора, церковь, земская школа, 2 кузницы, 25 кирпичных сараев, 4 лавки. От большого, по прежним меркам, села остались только развалины церкви. Древние легенды гласят, что именно отсюда, из рода Мерлиных, вышел и волшебник Мерлин, советник короля Артура (русского князя Яр Тура).

По днищу машины скребёт сухая трава. Справа и слева заросли полыни и репейника царапают стёкла автомобиля. А вот и храм! Он был сооружён в 1888 году на месте сгоревшего деревянного при активном содействии священника Павла Семёновича Громова. Храм состоял из трёх церквей: Центральная часть – во имя Иконы Казанской Божьей Матери; левый придел – во имя Архистратига Михаила; правый – в честь Троицы Живоначальной. Эkleктическая архитектура храма совмещает в себе формы классицизма и псевдоготики. Даже теперь, с разрушенными приделами и алтарной частью, с наполовину обрушившимся куполом, он выглядит впечатляюще. Однажды увидев это сооружение, забыть его невозможно.

С храмовой горы открывается захватывающий вид на долину с почти покинутыми жителями сёлами, полуразрушенными храмами, петляющей в густых зарослях Шукшей. По берегам, селенья, кладбища, / Церквей развалины видны. / Горят здесь зори ярким пламенем, / Горит история страны... (Лариса Москвитина).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Антон Хрулёв

Хрулёв-Жуков Антон Геннадьевич родился 30 марта 1989 года в г. Никольске Пензенской области.

Окончил музыкальную школу по классу фортепиано, хореографическое отделение русских народных танцев, Пензенский торгово-экономический техникум по специальности «бухгалтер-экономист», учился в Пензенской духовной семинарии.

Автор сборника стихов «Рассвет души». Публиковался в различных изданиях районного, областного, федерального и зарубежного уровня.

Дипломант VI межрегионального фестиваля «Часовые любви», 50-го Всероссийского Пушкинского праздника поэзии в Языково, I-го литературного фестиваля «Белинская весна», Победитель Всероссийского конкурса «Школа литературной журналистики "Молодой Дельвиг"». Журналист.

Два капитана

Будущая Россия будет создана армией и флотом, одухотворенными одной мыслью: «Родина – это всё».

Пётр Николаевич Врангель

Сегодня я хочу рассказать вам, дорогие читатели, о двух замечательных капитанах 2 ранга запаса, у которых, наверное, как и у большинства людей, была непростая судьба. Но, несмотря ни на что, они смогли преодолеть все штормы и качку, опасные отмели и рифы, которые выпали на их житейские корабли. И очень важно, что эти люди не обрубали и не забывают своих корней, а наоборот, пишут, переживают, радуются вместе с другими земляками за свою Малую Родину.

Начну я не с их заслуг, регалий, званий и тому подобного, а с их произведений, которые достойны внимания самого взыскательного читателя. Ниже вы можете прочесть стихотворения нашего земляка, поэта, который ныне живёт в Санкт-Петербурге, чьё сердце пронизано любовью к русскому слову, флоту, Родине, семье... Некоторые его произведения зву-

чат, как корабельная рында, словно пробуждая народ ото сна и призывая к созидательным действиям

Речь идёт о Михаиле Анатольевиче Звереве. Михаил Анатольевич Зверев родился 1 января 1956 года в городе Пензе.

В 1978 году окончил Высшее Военно-морское инженерное училище им. В. И. Ленина в городе Пушкине, под Ленинградом, где кроме освоения профессии корабельного инженера-механика занимался в литературной студии, которую вёл известный ленинградский поэт Леонид Иванович Хаустов.

Службу военно-морского офицера начинал на крейсере «Комсомолец» Балтийского флота. Затем 20 лет служил на Северном флоте, в городе Североморске, на эсминце «Современный» и в штабе Эскадры надводных кораблей. Участник дальних морских походов. Капитан 2 ранга запаса.

Города и реки

Вопреки географии, логике, здравому смыслу –
Как случилось и сам до конца не пойму,
Но из Пензы родной наша речка Сура меня вынесла
Не в великую Волгу, а к северу ближе – в Неву.
Пронеся по морям и причалам, по рейдам военных баз –
От сияний на Севере до африканских песков –
Привела в Петербург, о котором в мечтах не раз
Вспоминал и вблизи, и вдали от родных берегов.
Речки детства обычно выводят в моря, а не к берегу,
Но кончаются берегом даже большие моря!
И всегда в нашей жизни стремительной, суетной, на бегу,
Все мы помним, что время настанет бросать якоря.
Вот и брошен мой якорь на рейде великого города,
Где Нева гладит сталью воды вечный свой парাপет...
Я люблю нашу Пензу, конечно, в душе это навсегда.
Только лучше, чем Питер, на глобусе города нет.

Вид из окна

Комната с видом на город...
Милый пейзаж за окном
Он мне привычен и дорог,
Каждой тропинкой знаком.
Каждая ветка на склоне
Машет приветливо мне...
Североморск на ладони!
Как на экране – в окне.
И на экране, как будто,
В майское небо летят
Яркие брызги салюта!
Словно напомнить хотят
Залпы салюта Победы –
Памятный май со слезой...
В вечном строю наши деды –
В памяти нашей земной!
Искры салюта взлетают,
Светлым огнём озарив
Небо над всем Заполярьем,
Город и Кольский залив!

Воспоминание на пляже. Остров Родос

На море штиль. Чуть плещется накат.
Здесь, в Греции, и воздух сладковат,
И шелест гальки слышится слегка...
Всё это музыка в душе у моряка.
У моряка есть разные моря.
Не то, что с пляжа, море с корабля!
Не те вода, волна, не тот бурун.
Не так коснётся ветер тонких струн
Морской души! И сердца моряка.
Да, эта лирика загадочно-тонка...
Вот лунная дорожка нас ведёт
От борта к дому...
А наоборот?
От пляжа в бесконечность, в пустоту,
Туда, за горизонт! За ту черту,
Где... то ли небо, то ли край земли...
Но там живут стальные корабли!

Дорожка лунная от берега ведёт
В моряцкий дом. Поднимемся на борт.
Привычно палуба качнётся под ногой.
В каюте, пусть тревожный, но покой.

Эти стихи я взял из сборника стихотворений Михаила Анатольевича, который называется «Поднимая Андреевский флаг». Видите сами, насколько трогательной, лиричной может быть душа моряка...

Я не мог не задать несколько вопросов своему земляку.

– Как часто Вы бываете на своей Малой Родине и какие места любите посещать?

М. А.: «Я уехал из Пензы в 17 лет и поступил в военно-морское училище в Ленинграде (г. Пушкин). Было это в 1973 году. С тех пор не было ни одного года, чтобы я не приехал в Пензу. Ни одного! И только в 1996-м, когда сын поступал в это же училище, приехал не на весь отпуск, как обычно, а всего на несколько дней. Мы до сих пор встречаемся с одноклассниками по нашей родной 6-й школе. Когда я приезжаю в Пензу, встреча обязательно происходит. Прошло сорок семь лет после выпуска из школы, но мы встречаемся ежегодно! Из двадцати девяти одноклассников на встречах бывает от девяти до восемнадцати человек! Всегда бываю в Лермонтовской библиотеке, в Ахунах, в центре города, в Арбеково. Да просто в Пензе!»

– Как Вы относитесь к современному искусству в целом?

М. А.: «Я люблю современное искусство. Это касается в первую очередь живописи. Посещаю все знаковые выставки современных художников там, где бываю. И в Пензе недавно в Губернаторском доме был на выставке Никоса Софронова. Естественно, в Санкт-Петербурге. Один из любимых музеев в нашем городе – «Эрмитаж». Но «осовременивание» театральных постановок не люблю совершенно! Не люблю т. н. «современной поэзии», мелодекламации, т. к. поэзия не нуждается в музыкальном оформлении. Но очень люблю при этом бардовскую песню! Стихи под аккомпанемент гитары, это не стихи с музыкальным фоном».

– Что бы Вы пожелали своим землякам, которые проживают на территории Сурского края и в других регионах и даже странах?

М. А.: «Своим землякам, где бы они ни жили, желаю не забывать, откуда они родом! Знать, где их корни. И любить свою родную Пензу, как её люблю я, даже считая лучшим городом на нашей планете город Санкт-Петербург.

– Тоскует ли сердце моряка по морским бурям и штилям?

Впрочем, ответ на этот вопрос был мне ясен, когда в начале книги я прочитал вот это стихотворение, думаю, что комментарии здесь **излишне**:

Сегодня наше море не штормит
 И, если честно, не качает даже –
 Хороший сон, вполне налажен быт,
 Чист горизонт, спокойно, как на пляже.
 Но память, вещь упрямая, она,
 На палубу частенько возвращая,
 То в кубрик заведёт, а то – в трюма,
 То просто в море без конца и края.
 Глаза закрою... было всё вчера!
 От вахты до тревоги и аврала –
 Такая вот занятная игра –
 Опять стою у первого причала.

С 1997 года стихи Михаила Зверева публиковались в литературных альманахах многих городов России, в журналах «Сура» и «Воин», в литературной антологии Кольского Севера «Свет слова в Заполярье» и поэтических антологиях «Шрамы на сердце», (Москва), «Поэзия делает землю красивой» (Санкт-Петербург). Проза – в журнале «Аврора» и сборнике Русского географического общества «Вслед за путеводной звездой» (2016 г.)

Михаил Анатольевич Зверев автор семи поэтических сборников, лауреат (в поэтической номинации) Всероссийского открытого фестиваля авторской песни «На Соловецких островах» и многих других, а позже ведущий поэтических мастерских и член жюри этих фестивалей, дипломант литературной премии: имени А. К. Толстого (2018, 2020 гг.), член Союза писателей России. А в этом году он стал дипломантом литературной премии имени первого главного редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига за сборник стихотворений «Поднимая Андреевский флаг».

А ещё я расскажу об Александре Васильевиче Козлове, чья судьба схожа с судьбой Михаила Зверева тем, что он тоже моряк и писатель.

Александр Васильевич Козлов – родом из города Кузнецка Пензенской области. Окончив среднюю школу, в 1975 году он поступил в Ленин-

градское высшее военно-морское инженерное училище имени В. И. Ленина в г. Пушкине Ленинградской области.

После окончания военного училища служил на надводных кораблях 2-й Дивизии противолодочных кораблей и в Техническом управлении Северного военно-морского флота. Участвовал в длительных плаваниях (боевых

службах) в Средиземном море, в Южной Атлантике и в районе арктического острова Новая Земля.

Заканчивал службу капитан 2 ранга А. В. Козлов в Техническом управлении Штаба Северного флота, в отделе боевой подготовки.

Стихи Александра Козлова подобны глотку чистой родниковой воды в жаркий полдень... Естественно, что пишет он о любви, о Родине, ну, и конечно же, о морской службе. Его стихотворения звучат как аккорды на хорошо настроенном инструменте. Осознавая это, поэт Александр Козлов остаётся человеком, в котором нет ни капли экзальтированности, тщеславия...

Вот несколько стихотворений из сборника «Нераскрашенная любовь».

МАМИНО ПИСЬМО

Я читаю мамино письмо...
Торопливы синенькие строчки,
Обвивают душу мне тесьмой –
Так все просто: «Здравствуй, мой сыночек!
Как хочу послать тебе тепла,
Не озябни за Полярным кругом!...»
Отступает всяческая блажь...
Как же далеко мы друг от друга!
Ангел мой, судьба тебя храни,
Дай здоровья, сил и долголетия!
Мамы, как и жизни, ведь одни –
Самые бесценные на свете!

КОРАБЕЛЬНОЕ УТРО

Город скован зимней стужей,
Тонут в сопках облака,
Флотским гомоном разбужен
В кормовой трубе баклан...
Из трубы той пар клубится,
Еле светится луна,
Раскраснелись наши лица:
Физзарядка – после сна!
Корабли вросли в причалы,
На осушке груды льда...
А декабрь – зимы начало,
Будут крепче холода!

Склянок бой, сигнал «Повестки»
Мы на юте встали в строй...
Жаль вот, поделиться не с кем
Громкой радостью такой!
«Флаг поднять!» – звучит команда.
Ввысь взлетает гордый флаг...
А вверху, почти что рядом,
Вниз ползет созвездье Рак!
Всем же будто интересней
Командира слушать речь.
Он изрек, проблемы взвесив:
«Теплоту надо беречь!..»

Я верю тебе

Я не верю в лёгкие прощанья,
И в притворство я не верю встреч.
Так хочу от долгих ожиданий
Я тебя хоть как-то уберечь!

Я не верю в домыслы и сплетни,
В спешные недобрые слова...
Не забыть мне тех мгновений летних:
Я тебя впервые целовал!

И теперь в виденьях это лето:
Проливает правды яркий свет,
На вопросы все даёт ответы –
В верности твоей сомнений нет!

Эти строфы полны гармонии, в них слились природа, море, любовь к родным краям, где когда-то родился и вырос Александр Васильевич, и близким людям.

На мой вопрос «Как и при каких обстоятельствах Вы обнаружили в себе талант писателя?» он ответил:

– Насчёт таланта не знаю. Талант писателя должен обнаруживать читатель. А вот потребность в творчестве родилась в пятом классе. Я учился в средней школе № 2 г. Кузнецка. На уроке, как ни странно, географии нам задали задание на дом: написать стихотворение, посвящённое реке. Так получилось, что в ближайшие выходные я поехал в деревню к бабушкам в село Берёзовка Неверкинского района. Дорога в село пересекает на своём пути, в районе села Дворики, речку Кададу. Именно тогда у меня и роди-

лись первые строчки будущего стихотворения «Моя Кадада». В ближайший понедельник, сразу после выходных, был урок географии, на котором я прочитал это своё первое произведение и получил пятёрку! Разумеется, этот грандиозный успех сразу же вдохновил меня на... второе стихотворение! Посвятил я его, конечно же, реке Суре!.. И вот так пошло-поехало. Мне уже шестьдесят два года, а я всё никак не могу остановиться. Всё пишу и пишу! Теперь уже не только стихи, но и прозу.

– Что значит для Вас малая Родина? Вы живёте в другом городе, отражаются ли в Ваших произведениях пензенские реалии?

А. В: Для меня Малая Родина – это, в первую очередь, родительский дом! Первый мой дом, в котором прошло моё детство, к сожалению, не сохранился. А вот во втором, на улице Полевой в Кузнецке, после того как ушли в мир иной мои родители, живёт сейчас моя родная сестра, к которой я периодически езжу в гости. А ещё Малая Родина для меня – это могилка моих родителей на погосте в селе Берёзовка. Там же похоронены и другие мои родные. Для меня это самое гласное место на Земле! Стараюсь при любой возможности посещать могилу своих родителей и бабушек. Оба моих деда погибли в Великую Отечественную. Один пропал без вести. Другой погиб в Сталинградской битве. Всё это я подробно описал в моей книге «Древнейшая история Пензенского края: мифы и реальность». Так что память о моей Малой Родине влияет на моё творчество самым непосредственным образом.

– С каким литературным героем можете себя сравнить и почему?

А. В: «Могу себя сравнить, разве что, с Андреем Болконским из «Войны и мира» Льва Николаевича Толстого. Мне также свойственны философские размышления о жизни и человеческих судьбах. Моя жизнь также была полна, если не военными, так уж точно не мирными сюжетами. И горел, и тонул, и принимал участие в испытаниях ядерного оружия на Новой земле, участвовал в трёх боевых службах в разных районах мирового океана. Всего было «не мирного» предостаточно. Возможно, смогу написать роман и об этом.

А на мой вопрос «Тоскует ли сердце моряка по морским бурям и штормам?», который я задал обоим капитанам, Александр Васильевич ответил так:

А. В: «Уже не тоскует! С меня хватило сполна! Двадцать семь лет от звонка до звонка, как говорят у нас в таких случаях, я прослужил на Северном флоте. А ещё пять лет «просидел» в казармах (кубриках, по-нашему), а если быть точным – проучился – в ЛВВМИУ имени Ленина в г. Пушкине Ленинградской области. Там ведь тоже было по-своему нелегко. И совсем далеко от отчего дома. Так что теперь я на заслуженном отдыхе. И море мне нравится только на картинках. Ну и ещё в летних отпусках люблю побродить у какого-нибудь очень тёплого моря!

Александр Васильевич Козлов является членом МГО Союза писателей России, Русского литературного общества, Общероссийской общественной организации «Офицеры России» и Московской Академии ДНК-генеалогии. Автор книг «Миссия флота», «Азбука моряка», «Морской букварь», «Морской букварик», «Всё о морских узлах», «Древнейшая история Пензенского края: мифы и реальность», «Нераскрашенная любовь», «Флотский юмор» и «Флотский юмор в квадрате и лирические откровения».

Публиковался во многих альманахах, в журнале военно-морского флота «Морской сборник», в журнале «Юность».

В 2019 году стал лауреатом Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» (2 место), проведённого Центральным Домом Российской Армии имени М. В. Фрунзе» Министерства обороны Российской Федерации, в номинации «Публицистика» за книгу «Азбука Моряка». А в 2020 году – лауреатом конкурсной программы «Гранатовый браслет» имени А. И. Куприна, проводимого МГО Союза писателей России, в номинации «лучший рассказ», за рассказ «Щукины дети».

Награждён медалью «Александр Пушкин – 220 лет» за литературное творчество и медалью имени И. А. Бунина (1870–1953) «За верное служение русской литературе».

В 2020 году за книгу «Древнейшая история Пензенского края: мифы и реальность. Взгляд на историю с точки зрения новейших исследований ДНК-генеалогии» награждён медалью «За научный патриотизм» Московской Академией ДНК-генеалогии. С этой же книгой Александр Васильевич удостоен звания лауреата I степени в номинации «монография» литературной премии имени первого главного редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига 2020 года.

Как говорится у моряков, «Семь футов под килем и попутного ветра» двум капитанам!

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Марина Герасимова

Марина Владимировна Герасимова родилась в г. Каменке Пензенской области 7 ноября 1985 года.

Окончила факультет русского языка и литературы Пензенского государственного педагогического университета. Живёт в Пензе. Работает журналистом и фотографом.

Автор трёх книг стихотворений. Публиковалась в местных, региональных и зарубежных сборниках и альманахах.

Лауреат Всероссийской премии им. М. Ю. Лермонтова, Всероссийского конкурса молодых поэтов «Мцыри», областного конкурса им. А. И. Куприна «Гранатовый браслет», фестиваля «Пальма и Орфей» (г. Саранск). Стипендиат Министерства культуры.

Член Союза писателей России.

Клады и секретки

Чтобы писать о детях и для детей, нужен особый дар. Или особый труд: чтобы быть интересным и понятным малышу, нужно общаться с ним на равных, ну или с позиции понимающего взрослого. А чтобы говорить с ребёнком на одном языке, нужно в душе хоть чуточку сохранить детский взгляд на мир, когда ты весь – чистый лист, чувства первой свежести, впечатления невиданной яркости...

И, на мой взгляд, Алексею Питикову удаётся войти в состояние резонанса с детством – то ли от частого общения с детьми, то ли от того, что воспоминания о собственном детстве живее всех живых.

Питиков – писатель-ремесленник по натуре. Там, где ему не хватает вдохновенного озарения, он тщательно подбирает образы, точные и не банальные слова, бережно относится к рифме в стихах и выверяет ритм. Ведь детские стихи не терпят оплошностей, это жанр совершенно особенный. Рифма должна быть простой и точной, ритм чётким, художественный об-

раз – ярким, а сюжет – динамичным и не банальным. Именно этому Алексей Алексеевич учит «симпатичную компанию» в методических записках по азам стихосложения для самых маленьких. Как пишет редактор книги Лидия Терёхина: «Алексей Алексеевич в лёгкой игровой форме сумел дать детям понятие об основных литературоведческих терминах. Точнее, дети сами пришли к выводу, что такое стихи, тема, сюжет, рифмы, ритм, образы... Как сказали бы педагоги-методисты, Питиков избрал эвристический метод исследования».

Герои «Симпатичной компании» – пятеро любознательных первоклашек и папа одного из них, в уста которого писатель вложил коротенькие беседы о стихосложении. Беседы эти не скучны и не моралистичны, ведь взрослый в них совсем не навязчив, а поначалу лишь пытается удовлетворить любопытство подросших почемучек. Да и просто не хочется ему выглядеть перед ними невеждой. Но по ходу повествования читатель понимает, что рассказчик сам глубоко погружён в тему поэзии, и даже втайне мечтает увидеть на книжной полке в ряду детских книг и книгу собственного сочинения. И с учётом того, что книга «Куча мала» по большей части автобиографична, хочется поздравить Алексея Питикова с тем, что это желание исполнилось! Я не знаю, возможно ли поколение компьютерных игр и интернета увлечь теорией стихосложения сейчас, если ты, уважаемый взрослый, не Алексей Питиков! Но почему бы не попробовать?

От теории автор переходит к практике – вниманию читателя представлены четырнадцать детских стихотворений, написанных от лица внучки поэта, и две скороговорки. Стихи – яркие и полные детской непосредственности. Простые детские игры и шалости рождают целые ностальгические истории: зарывание клада, дегустация сосульки, игры в войнушку и в футбол, стояние в углу и выживание с папой, пока мама на работе. Остроумно последователь Агнии Барто пошутил в стихотворении «Хулиганка»:

Уронила мишку на пол.
Оторвала мишке лапу.
Брошен ею в речку мячик –
Таня маленькая пачет.
Не даёт слону поспать –
Заставляет ночь кивать.
Под дождём и без хозяйки
Ей в саду оставлен зайка.
Догадайтесь – это кто?
Это – Агния Барто.

Далее – три цветных камушка «Кучи малы» – маленькие смешные истории о малышке-внучке.

И, пожалуй, самая интересная часть книги, предназначенная не только для детей, но и для их родителей, дедушек и бабушек – цикл рассказов о мальчике Алёше и его одноклассниках. Рассказы эти автобиографичные, автор даже не стал менять имя своему герою.

Рассказы эти подкупают искренностью и безыскусностью повествования. Маленький герой живёт большими чувствами и высокими идеалами, совершает ошибки и пытается их исправить. И порой его ошибки на грани подвига, а маленькие подвиги – на грани ошибки.

Алёша способен на целый год отказаться от фильмов и сладостей, чтобы накопить на новогодние подарки родителям и маленькому брату (здесь невольно вспоминаются «Дары волхвов» О. Генри). Так же он способен отказаться от первенства в школьной интеллектуальной игре, чтобы не расстраивать чувств любимой одноклассницы. И при этом постараться за честь класса в сборе макулатуры, кровью и потом вырвать первенство класса в футбольном матче.

Отношения Алёши с классом зеркалятся его отношениями с морем. Ласковое, приветливое, абсолютная приятность, оно таило в себе и смертельную опасность в шторм, и маленькие чудеса в виде дельфинов.

«Куча мала» Алексея Питикова – это сундук сокровищ, таких разных по цвету, ценности и весу. И я уверена, каждый читатель найдёт в этой куче что-то для себя: кому-то светлая ностальжинка, а кому-то сказочный восторг первооткрывателя.

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Николай Дик

Николай Францевич Дик родился 1 августа 1954 г. в п. Ново-Ильиновка Тарановского района Кустанайской области (Казахстан).

Окончил исторический факультет Ростовского государственного университета; социальный факультет Ростовского областного ИПК И ПРО, кандидат социально-педагогических наук.

Автор свыше 160 научно-методических и художественных книг. Лауреат различных литературных премий.

Член Союза журналистов и Союза писателей России, Межрегионального союза писателей, Международного союза писателей и мастеров искусств и Международной академии русской словесности.

Живёт в городе Азове Ростовской области.

Да и нет

В одной сказочной стране жили – были два брата. Младшего звали Да, а старшего – Нет. С раннего детства они были неразлучны и всегда ходили только вдвоём. Да был весёлым и беспечным мальчишкой, он всегда со всеми соглашался. Нет был гораздо серьёзней. Перед тем, как что-то сказать, или принять решение, он долго обдумывал и чаще всего не соглашался.

Однажды летним утром братья отправились в соседний город к своим старым знакомым. Солнышко светило ярко и дорога им вовсе не казалась трудной.

– Как здорово, что светит яркое солнышко! Вот было бы хорошо, если бы оно так ярко светило весь круглый год, – радовался Да.

– Нет, я не согласен, – возразил Нет. – Если бы солнышко так сильно палило круглый год, то листочки на деревьях и травка сразу бы сгорели.

– Зато можно было бы купаться в речке круглый год, – не успокаивался Да.

– И опять я не согласен, – вновь возразил брату Нет. – От перегрева и долгого нахождения в воде мы с тобою сразу бы заболели.

Разговаривая между собой, братья и не заметили, как подошли к воротам соседнего города.

– Кто вы и зачем пришли к нам? – строго спросил их стражник у городских ворот.

– Мы пришли в гости к своим старым друзьям и хотим вместе с ними поиграть, – весело пояснил стражнику Да.

– Хорошо, я пропущу вас в город, но вы должны оставить мне в залог ваши котомки, а когда будете возвращаться, я их вам верну. Согласны?

– Да, мы согласны, – не задумываясь протараторил Да.

– Э, любезный страж, а я не согласен с таким условием, – возразил Нет. – Мы тебя совсем не знаем, можно ли тебе доверять свою поклажу? А может быть, ты вовсе и не страж, а обманщик?

– Как это не страж! Разве вы не видите, что одет я в железные латы и вооружён железным мечом? – возмутился стражник.

– Латы и меч ещё ни о чём не говорят. Главное, кто ты на самом деле, – спокойно ответил ему Нет. – Давай спросим у любого горожанина, кто ты на самом деле?

Удивлённый стражник согласился, и они все вместе спросили случайного прохожего:

– Уважаемый горожанин, Вы можете подтвердить, что этот воин и есть стражник вашего города? – спросил Нет.

– Конечно же, подтверждаю. Этот стражник уже более года охраняет ворота нашего города, – уверенно ответил прохожий.

– Вот теперь мы уверены, что ты настоящий стражник, – произнёс Нет.

Городской страж ещё больше удивился и пропустил братьев в город, забыв потребовать от них в залог котомки.

– Вот ты всегда со мной не соглашаешься, а тут сразу согласился с мнением первого прохожего. Почему? – обиженно возмутился Да, пройдя через ворота города.

– А я вовсе и не согласился с мнением первого встречного. Ведь если стражник не был бы настоящим, он разве согласился бы с моим предложением подтвердить свою должность у первого встречного? Значит, он был уверен в своей правоте, – рассудительно пояснил своё решение Нет. – Так вот и тебе советую. Во-первых, не доверяй сразу незнакомому человеку. Во-вторых, прежде чем сказать «Да», вначале хорошо подумай, какая польза от твоего решения? И, в-третьих, не спеши верить тем, кто выдаёт

себя за начальника, а вначале убедись в его истинной должности. Ведь недаром гласит пословица: «Не всё золото, что блестит».

А ты, мой дружок, согласен с мнением старшего брата?

Бабочка

Маленькая Куколка удобно улеглась на тоненькой веточке и сладко спала под яркими лучами солнца.

– Выходи скорее! Сбрось свое одеяло, поднимайся. Смотри, как здесь прекрасно! – позвал её знакомый Червячок.

– А зачем? Мне и здесь удобно. Что там делать? – сквозь сон пробормотала Куколка.

– Как что делать? Мир так прекрасен и удивителен, что в нём всегда можно найти что-то новое и загадочное, – не унимался убеждать её Червячок.

– Не хочу, мне не охота двигаться и шевелиться, – сонным голосом ответила Куколка.

– Проснись! Быстренько сделай зарядку и взлети в небо. Там так прекрасно!

Куколка выглянула сквозь своё одеяло и сонными глазками посмотрела на небо.

– А что это за красивые маленькие птички летают около нас? – спросила она у Червячка.

– Да ведь это бабочки! Видишь, какие они разноцветные, лёгкие и воздушные. Ты тоже можешь стать такой, только надо сильно постараться, – пояснил Куколке Червячок.

– А почему тогда ты не стал бабочкой? Мне советуешь, а сам лежишь, – не успокаивалась Куколка.

– Нет, я не ленюсь. Но, к сожалению, мне не суждено стать бабочкой, – с горечью ответил Червячок. – Поэтому и обидно, когда те, кто может что-то сделать, просто ленятся и поэтому совсем не замечают, как прекрасен этот мир.

Куколка подняла голову и посмотрела по сторонам.

– Смотри, какие красивые бабочки! А ты совсем на них не похожа – круглая, толстая и ленивая, – с укоризной заметил Червячок. – А ну, встряхнись! Сделай простенькую зарядку и попытайся взлететь.

– А ты думаешь, у меня получится? – наконец робко произнесла Куколка.

– Я уверен! Только надо сильно захотеть и побороть свою лень, – настойчиво продолжал Червячок. – Давай сделаем зарядку вместе.

И Червячок выгнул спинку, ловко перевернулся, выпрямился и потянулся к солнышку. Куколка удивлённо посмотрела на него, затем попыталась встать, но у неё ничего не получилось.

– Ну вот, я так и думала, что у меня ничего не получится, – грустно заметила она.

– Ничего, никогда не бойся, если с первого раза что-нибудь не получается. Надо повторить действие несколько раз и у тебя тогда обязательно получится. Надо только сильно захотеть и немножко потрудиться. Без труда никогда не достигнуть успеха!

Воодушевленная словами Червячка, Куколка перевернулась несколько раз и стала быстро кружиться вокруг себя. Это занятие её так понравилось, что она и не заметила, как стала превращаться в маленькую бабочку.

– Молодец! У тебя здорово получается. Ещё немножко и ты станешь красавицей!

От таких слов у Куколки захватило дыхание. Она расправила крылышки и... взлетела над лужайкой.

– Ой, у меня получилось! – радостно закричала она. – Как здесь красиво! Как здорово летать над полянкой, сколько здесь разноцветных цветочков!

– А какая ты стала красивая! Вот теперь ты настоящая бабочка, – воскликнул удивлённый Червячок. – Да, без труда не бывает красоты. За неё надо бороться, – задумчиво закончил он свою мысль.

А Куколка, нет, теперь уже красивая Бабочка, весело летала над полянкой и наслаждалась красотой мира:

– Ах, как прекрасно летать над землёй! Оказывается, это совсем просто, только надо сильно захотеть и приложить немного труда и терпенья!

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

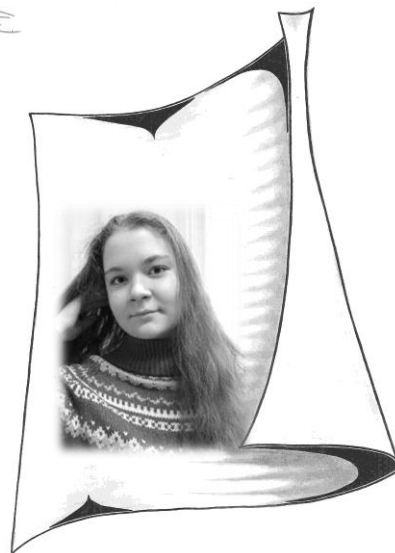
Анастасия Тренкина

Анастасия Сергеевна Тренкина родилась в 2005 году в Заречном. Учится в 9 «б» классе МОУ лицей № 230.

Победитель Международного конкурса «Поэтический атлас» и др.

Публиковалась в журнале «Сура», в коллективных сборниках прозы «Связь времён», «Сестра таланта».

Участница группы «ZЛитера».

Про Джека, или Добро возвращается добром

– Ну, сына, почему не ешь? Ложку в руки и вперёд! – после этих слов матери Вадик засопел, придвинул тарелку ближе и с измученной физиономией принялся есть рассольник.

Мама каким-то образом умудрялась накладывать в тарелку второе, разговаривать по телефону с лучшей подругой и следить, как сын обедает.

На улице завывал ветер и кидал пригоршни колючего снега в окна. Иногда его порыв проникал через щели и колыхал шторку, закрывавшую антресоль. В кухне приятно пахло жареной картошкой и паровыми котлетами. На счастье Вадика, мама забрала у него суп, поменяв со следующей тарелкой.

Мальчик, по обыкновению, посыпал картофельные ломтики приправой, выждал, когда мама отвернётся и затолкал котлету в карман штанов. Котлета, только что снятая со сковородки, нещадно обжигала кожу, и Вадик с силой закачал ногой.

– Ты что дёргаешься? – не укрылось такое поведение от мамы, – смотри-ка, и котлету съел! Вкусно?

– Очень! – преодолевая жжение, улыбнулся мальчик, – а я вовсе и не дёргаюсь, а утрамбовываю пищу, чтобы лучше усвоилась.

Мама покачала головой и вышла из кухни. Вскоре её взволнованный голос доносился из-за прикрытой двери зала.

Вадик за считанные секунды расправился с оставшейся картошкой и ретировался в коридор. Там он обмотал шею шарфом, надел шапку и пальтишко. Со шнурками на ботинках пришлось повозиться. Мальчишка в который раз за день упрекнул себя за то, что в неполные восемь лет не умеет завязывать столь хитроумные шнуровки. «Ма-ам! Я к Павлику, математику делать!» – крикнул мальчишка и пулей вылетел из квартиры.

Выйдя из двери подъезда, Вадик направился не к товарищу, а во двор.

Там кружились снежинки, витал запах костра, опускались на корку наста важные вороны. На краю площадки под раскидистым, очень старым дубом недавно появился самодельный шалашик. Стенами ему служили фанерки, вход прикрывала рогожа.

Мальчишка подбежал к сооружению и негромко позвал: «Джек, Джек, это я». Из глубины шалашика донеслось поскуливание, и на улицу выбрался большой чёрно-белый лохматый пёс. Он сразу же завертелся вокруг Вадика и радостно затаивал. В завершение приветствия собака вытянулась в свой огромный рост, положила передние лапы на плечи улыбающемуся мальчику и лизнула его в нос. Вадик ласково потрепал морду пса и вынул уже остывшую котлету. Джек сразу ее проглотил и облизнулся. Потом припал к земле и с неимоверной силой завиял хвостом-«поленом». В больших карих глазах забегали искорки.

– Играть хочешь? – догадался Вадик, – давай! Тащи скорее свою палку!

Пёс послушно вернулся в шалашик и почти сразу же вынырнул. В пасти была зажата небольшая обглоданная ветка.

Началась веселая игра. Джек с визгом и лаем гонялся по двору, а когда снег набивался в нос или попадал в уши-лопухи, забавно отряхивался. Вадик смеялся, лазил по сугробам за четвероногим товарищем, катал снеговиков и делал «ангелочков».

Когда на небе зажглась первая робкая звёздочка, к подъезду подкатило такси. Из машины выбралась высокая стройная брюнетка и, заведя во дворе мальчика, громко крикнула:

– Эй! Снежный человек, пошли домой! Могу поспорить, за уроки ты еще не сядишь!

– Сейчас, Катя! – ответил Вадик и отвёл пса в шалашик, – Джекушка, я завтра тебе еще что-нибудь из еды принесу. Пока.

– Ну, что, братик, наигрался со своим зверем? – поинтересовалась Катя и подмигнула раскрасневшемуся мальчику.

Она была отличной старшей сестрой. Помогала с домашкой, отвечала за все Вадькины проделки в школе, частенько покупала конфеты и леденцы, обожала приключения, но сильно боялась больших собак.

Поэтому, чтобы девушка жила и училась без лишнего стресса, брат, подружившись однажды с бродячим Джеком, соорудил ему домик во дворе, а не потащил в квартиру. Однако Катерина и сама иногда подкармливала чёрно-белого пса и разговаривала с ним на расстоянии. Вадика это очень радовало. «Приучится, – убеждённо думал он, – покормит-покормит, поразговаривает-поразговаривает и привыкнет, а потом заберу я Джека домой. Нужно только время».

Однажды, это было весной, Вадик возвращался после занятий, заглянул в шалашик, но не обнаружил собаку. В соседних дворах Джека тоже не наблюдалось.

– Наверное, его кто-нибудь взял к себе, – расстроился мальчишка, от усталости опустившись на лавочку.

– Для Джека это было бы замечательно, но не для нас, – сказала Катя и уверенно добавила, – надо продолжать поиски!

До вечера плутали ребята по подворотням, но никого не нашли. И возвращаясь домой, Вадик чуть не плакал. «Джек, милый хороший Джек, где же ты сейчас? Всё ли с тобой хорошо, никто не обидел?» У подъезда Катя немного замешкалась.

То ли на телефон пришла эсмэска, то ли ключи затерялись на дне сумки, в общем, брат с сестрой простояли довольно долго. Вадик бросил затуманенный взгляд на детскую площадку и замер. К шалашику кралось что-то большое, грязное и лохматое. К тому же, оно жалобно попискивало и шипело. Мальчишка на мгновение замешкался, но через три секунды помчался к странному существу.

– Джек! Джек, как я рад, что ты нашёлся! – спешил погладить друга мальчишка, – ой, а это кто? Пёс держал за шкурку испуганного котенка, который истошно вопил. Вдруг пёс напрягся, шерсть на спине стала дыбом, глаза загорелись, а зубы разжались. Приземлившись на землю, пушистый комочек подполз к Вадиду и прижался к ногам. Мальчик быстро схватил его и недоуменно уставился на собаку:

– Что случилось, Джек? Почему ты рычишь?

Вместо разъяснения пёс прыгнул немного левее стоящего мальчика и грозно-прегрозно оскалил зубы. Тут со всех сторон Вадика стали обступать бродячие собаки. Их было очень много, штук сто, как показалось Вадиду.

Они оглушительно лаяли, щёлкали зубами и пытались свалить его на землю.

Джек молнией отбивался от взбесившихся зверей. Он заслонял друга-человека от многочисленных атак, принимая все укусы на себя.

– Вадька! – старшая сестра метнулась в шерстяное месиво, – держись! Не бойся!

Вместе с подросшими соседями Катя и Джек разогнали собак и вышли победителями.

Сосед дядя Митя подхватил бледного и онемевшего от страха мальчишку и отнёс в сопровождении девушки в квартиру. Котёнка Вадик никому не хотел отдавать и весь оставшийся вечер его не отпускал.

На следующий день, удивив всех неожиданным решением, семья Вадика забрала Джека в квартиру.

После случившегося Катерина перестала опасаться больших собак и каждый день гуляла с чёрно-белым псом.

«Вадик меня от голода спас, а я котёнка, – размышлял как-то на досуге Джек, – потом я за мальчика постоял, а он меня домой забрал.

Все правильно, потому что добро всегда возвращается добром».

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Лидия Терёхина

Лидия Терёхина (Лидия Ивановна Дорошина) родилась 23 мая 1950 г. в д. Тучковке Иссинского района Пензенской области.

Автор 30 поэтических и прозаических книг, на её слова написан ряд песен, выпущено два диска. Публиковалась в различных изданиях областного, регионального, республиканского и зарубежного уровня.

Лауреат ряда литературных премий, награждена знаком «За заслуги перед городом Пензой».

Руководитель литературного клуба «Я сень». Литературный редактор журнала «Четверговая соль».

Член Союза писателей России.

Записка

Весной 1980 года в палату интенсивной терапии больницы скорой помощи в Пензе, где лежал мой муж, журналист А. Г. Дорошин, положили Алексея Ивановича Карасёва. Они были давними знакомыми по журналистской работе, но наше знакомство с поэтом состоялось гораздо раньше – в литературном объединении «Надежда» при Пензенском отделении Союза писателей СССР. А было это в середине шестидесятых годов минувшего века.

Непосредственно работой с «надеждинцами» руководил Яков Гаврилович Танин. Но на литературные среды в комнатку на улице Гладкова, где обычно собирались десятка полтора начинающих авторов, приходили, время от времени, практически все «осоюженные» и просто уже состоявшиеся пензенские писатели. Частыми же гостями были Александра Петровна Анисимова, Матрёна Платоновна Смирнова, Александр Сергеевич Васильев, Михаил Исаакович Вайнер и Алексей Иванович Карасёв. Занимались обычным для пишущих людей делом: читали своё написанное, обсуждали, спорили. Естественно, начинающие прислушивались к словам мастеров слова.

Алексей Иванович!

Этот автор имеет авторитет,
который мог бы его удовлетворить
отзывом на его стихи.

Поэтому, ну хоть кому-нибудь
сделать это, и.е. написать отзыв.

8/11-71. А. Карац

Маленький, сухонький Алексей Иванович говорил негромким, можно даже сказать, тихим голосом, мы замирали, стараясь уловить каждое слово.

И вот через полтора десятка лет стоило мне появиться в двери палаты, раздался голос:

— Лида, а ты тут как?

— Это моя «скорая помощь», — откликнулся муж.

Последовал забавный диалог:

— Толя, ты зачем на ней женился?! Она же теперь, наверно, ничего не пишет!

— Ещё как пишет!

— Так пусть принесёт мне почитать, что написала.

Пришлось вмешаться:

— Я так понимаю, меня тут нет? Во-первых, здравствуйте Алексей Иванович! Непременно принесу что-нибудь, но уже завтра. А пока вот, угощайтесь...

Рукопись, которую я дала Алексею Николаевичу, уже к следующему приходу была вся в пометках: хорошие, по его мнению, строчки он отмечал знаком плюс, поля испещрил разными замечаниями и восклицаниями.

А через несколько дней мужа выпи-
сали, и с Алексеем Ивановичем я
больше не виделась.

А совсем недавно в своём ар-
хиве я наткнулась на записку, напи-
санную А. И. Карасёвым Николаю
Ивановичу Каткову, в которой он
просит поручить кому-то из коллег
дать отзыв на стихи настойчивого
автора из Земетчино. Судя по тексту
записки, мнение Алексея Ивановича
показалось тому «недостаточно ав-
торитетным». Вероятно, судил но-
воявленный поэт по внешности –
маленький, сухонький, а какая глу-
бина и сила перед ним, – не почуял.

Алексей Иванович Карасёв
родился 12 марта 1910 года в селе
Карсаевке Пензенской губернии в
крестьянской мордовской-мокша

семье. Детство его было, как и у всех крестьянских детей той поры, голод-
ным, холодным, трудным: работал подпаском, пахал, косил, сеял наряду со
взрослыми. Самостоятельно научился грамоте, как говорил сам, писать
начал лет с десяти. А потом пешком ушёл в Саранск, входивший в те годы
в состав Пензенской губернии, учиться.

В 1930 году окончил Саранский педагогический техникум; работал
учителем, журналистом. Тогда же были опубликованы первые его стихи. А
публиковались они в периодических изданиях Саранска, Самары, Москвы.
Во время службы в Красной Армии на Дальнем Востоке – в газете «Тихо-
океанский комсомолец».

Первая книга Карасёва «Чудный сад» – сборник рассказов – была
напечатана на языке мокша в 1939 году. А уже в 1940-м отдельной книгой
«Стихи и поэмы».

А потом – война, передовая. Алексей Иванович был дважды тяжело
ранен, но выходили фронтовые врачи, и он вернулся к писательскому тру-
ду. Первая послевоенная книга его «В краю дубрав» вышла в Саранске в
1956 году, а через два года в Пензе был издан поэтический сборник «Золо-
тая нива». Так и продолжалось: одна книга выходит в Саранске, другая – в
Пензе, после ликвидации пензенского издательства – в Саратове.

Я не ставлю себе задачу дать хоть какой-то анализ его произведений.
Это очень хорошо сделал Г. Е. Горланов¹. Моя задача – напомнить читате-

¹ Горланов Г. Е. Писатель и время. – П., 2013 г.

лям журнала о нашем земляке – прозаике, поэте, педагоге; члене Союза писателей СССР с 1939 года, участнике Великой Отечественной войны. Найдите, например, в библиотеке книгу стихов или рассказов Алексея Карасёва, и вы окунётесь в чистый, светлый мир поэзии или ощутите правду жизни. Творчество его просто о Земле и Человеке на ней.

Косарь

Отпели рано соловьи
В кустах овражных и в саду...
Прошли сны детские мои
У тёплых зорь на поводу.

В молочной зрелости томясь,
Шумели травы на лугах,
Да песня знойная лилась,
Перепелиная, в полях.

Я материнский звонкий зов
Как ласку, в сердце берегу:
– А ну, сынок, косу готовь,
Давно соседи на лугу!

Косил неровно, что скрывать, –
Легко ли в десять лет с косой!
Но рядом радовалась мать,
Смешав улыбку со слезой.

Алексей Иванович ушёл от нас 21 июля 1980, похоронен на Ново-Западном кладбище Пензы.

Прилагаю список книг А. И. Карасёва:
Чудный сад. – Саранск, 1939.
Стихи и поэмы. – Саранск, 1940.
В краю дубрав. – Саранск, 1956.
Золотая нива. – Пенза, 1958.
Песни золотой сосны. – Пенза, 1963.
Стешина сирень. – Пенза, 1961.
Снег на яблонях. – Саратов, 1971.
Родниковый воздух. – Саратов, 1978.

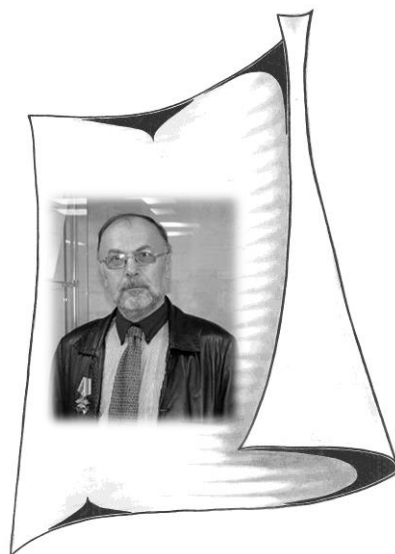
СУВОРОВСКИЙ ПОЛК

Александр Кукаев

Александр Васильевич Кукаев родился 13 июля 1954 г. в Пензе.

Изобретатель, имеет несколько патентов: изобретения в области акустики музыкальных инструментов получили международное признание. Владеет двумя десятками специальностей. Исследователь древности Сурского края, народов России и их единства с Русским Миром. Эксперт по вопросам национальной безопасности.

Михаил Лермонтов

Михаил Юрьевич Лермонтов родился: 27 января 1953 г. в Пятигорске Ставропольского края.

Окончил Московское высшее техническое училище имени Баумана, кандидат технических наук. Общественный деятель, доктор культурологии, президент ассоциации «Лермонтовское наследие», советник министра культуры РФ.

**Проект «Сурский край родина героев и победителей»
«Музей спецназа всемирной казачьей славы
имени М. Ю. Лермонтова»**

Цивилизационный проект «СУРСКИЙ КРАЙ РОДИНА ГЕРОЕВ» рас-крыл причины массового духовного героизма наших земляков, связал

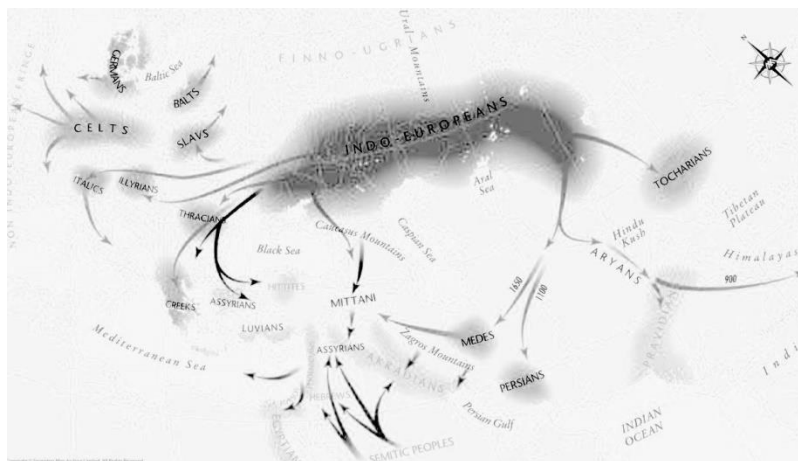
прошрое и будущее Отчизны через великие смыслы и созидательное наследие, дающее осознание времени и гордости за Родину.

Проект «МУЗЕЙ СПЕЦНАЗА ВСЕМИРНОЙ КАЗАЧЬЕЙ СЛАВЫ имени М. Ю. Лермонтова» укрепил гордость за великое прошлое нашего края, России и её народов.

Река Сура – исток великой реки Ра (Зенд-Авеста, перевод 1996 г.) – край начала течения Мысли в осознании Высшего Разума на Земле. Если сказать коротко – ПОТОК ЭНЕРГИИ РА (Неба).

ПЕНЗА – место начала энергии света – огня творения души РА в осознании Высшего Разума и Бога Единого. Это миссия, подобная миссии реки Сура (место начала осознания Бога Единого).

Сурский край, как утверждает профессор Гарвардского университета Мария Гимбутас, это место исхода праязыка цивилизации, а значит, и осознания через Слово Бога Единого!

Единобожие – наше вечное цивилизационное состояние. Поэтому можно говорить о вечном – о ПОБЕДЕ над злом и темнотой невежества.

Герои нашего размышления – великие победители, посвятившие жизни защите Отечества, – Александр Васильевич Суворов и Михаил Юрьевич Лермонтов.

Почему судьба связала их жизненные пути с сурским краем?

Почему они, вроде бы иноземцы, называли себя русскими?

Почему именно в период смутного времени в Россию пришли предки А. В. Суворова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова?

Начнём со Швеции.

Когда изучаешь книгу продолжателя исследований Мавро Орбини, автора книги «Славянское царство» (1601 г.), Ю. Д. Петухова «Норманны Русы Севера», не остаётся ни тени сомнения в правдивости написанного. Согласно многим скандинавским авторам и в средневековых шведских сагах утверждается, что их прародина, Великая Свитьоф, располагалась в

Восточной Европе от Дуная до Урала. «ВЕЛИКАЯ СВИТЬОД включает в себя РУСЬ – РУССИЮ = СКИФИЮ = ГАРДАРИКУ (скандинавское GARDARIKI) – пишет историк Валерий Шамбаров. – «РУСЬ – дорога из глубин тысячелетий, когда оживают легенды». Множество цивилизационных фактов подтверждают версию о норманнах, а Борис Новицкий укрепил их.

Предки А. В. Суворова вернулись на Русь из Швеции, пройдя путь до неё через побережье Азовского моря.

Исландский поэт Снорри Стурлусон, живший в первой половине XIII века, приводил легенду о переселении Одина на север после падения Трои. А ещё раньше, в VI веке, франкский историк Григорий Турский писал о том, что предки Меровингов – королевской династии франков – после падения Трои пришли сначала на берег Меотиды, то есть Азовского моря. От Иордана, а ещё раньше от древнеримского историка IV века Аммиана Марцеллина известно, что готы жили на северном берегу Азовского моря (территория кимер, а кимеры – предки аскинас).

Сопоставив все эти указания, знаменитый в XX веке норвежский исследователь Тур Хейердал предположил, что переселение готов из Скандинавии к Чёрному и Азовскому морям было в своё время возвращением на их историческую прародину. Но где готы проживали до Трои? Известно, что готы – это изменённая греками формула геты, а геты – русские, служившие ещё царям Давиду и Соломону. До проникновения на юг геты оберегали Родину в районе Средней Волги – Ра, на прародине матери царя Соломона гетейки Вирсавии. Мало того, прародина шведов и германцев-готов, так же располагалась в бассейне средней Волги, о чём свидетельствует Балановская культура.

Однако вернёмся в Скандинавию. Культура и язык, которые принесли туда казачьи рода асов готов/гетов, были древнерусскими. Ещё 300 лет назад Скандинавия говорила по-русски. Так, поминальная речь над гробом Карла 11 произносилась на русском языке.

Важным этапом нашего исследования является утверждение, что «Род А. В. Суворова сплетён и с родовым древом германцев!» Германцы – готы, выходцы в основном из Скандинавии. Предводитель готов/гетов –

гетман, что ещё раз подтверждает древнее единство русов, евреев, германцев, армян, индусов. Формула «МАН» объединяет род Лермант с вышперечисленными народами и подчёркивает всемирную объединяющую значимость Михаила Юрьевича Лермонтова.

Фамилия мамы А. В. Суворова Авдотьи Феодосьевны Мануковой, также является объединяющим примером.

Многие германские названия имеют цивилизационные корни: Тюрингия – от тюрк, а тюрки – это скифо-славяне. Саксония – саксы, саки, а это казаки со средней Волги – Ра, реки Шукши; сакса = шокша. Бавария трактуется рядом исследователей как Варвария – от славян, которых ближневосточные соседи называли варварами. В Баварии находится сакский памятник 8 века с надписью: «Русы – древнейшие люди изначальные, руководящие и живущие на своей Земле». А хроника 9 века гласит: «Англяне – Русы». Да и топонимика части Германии славянская, что подтверждает цивилизационное единство готов – немцев и славяно-русов: мы – арии, дети неба! То, что арии вышли из Гипербореи, как и славяне-русы, утверждали и интеллектуалы из общества исследований германских древностей Туле. Генетическое родство налицо, связь между славянами и готами давно доказана принадлежностью народов к скифскому этносу. А уж о родстве готского и славянского языков и говорить не приходится. Посмотрите на готское письмо. Что видите? По сути, наиболее древнюю славянскую азбуку! Подтверждает наше древнее единство и культура этрусков, и святилище Аркона, что стояло на острове Рюген.

Этрусски называли себя расены, жрецы Арконы – расаны. Рюген – русен – расан.

М. В. Ломоносов утверждал: «Расаны пришли с реки Ра!» Этрусски – геты русские, казаки-саки-цахи тоже вышли с рек Сура – Ра и Хопёр. Причём казаки древности есть «асы» – богоподобные герои.

Историк 11 века Адам Бременский свидетельствует, что русы-славяне владели северными и западными берегами Балтийского моря. Эти знания крайне важны для укрепления родового единства русов – современных русских и эрзи, являющихся в те непростые времена земляками рода Сувор из Швеции.

Когда норвежский учёный Тур Хейердал доказывал, что предки викингов вышли из Приазовья, ареала жительства сарматского племени асов, было очевидно тяготение Хейердала к раскрытию формулы «Ра» – не зовли это его родовой памяти! Не случайно Тур Хейердал построил корабль из папируса «РА» (папирус – бумага русов). Жрецы сармат короля Артура и род Мерлин первично нашли откровения на реке Ра – Сура! Это переплетается с судьбой родов А. В. Суворова и М. Ю. Лермонтова. Асы (геты, саки, цахи, саксы, массагеты, аскинас...) несли миссию защиты жрецов древности расов и единобожия.

ОСТРОВ РЮГЕН - ГЕРМАНИЯ
федеральная земля Мекленбург — Передняя Померания.

Остров Рюген... в древности писали по-латини RVGIA=RUGEN=RUKEN=RUCEN интересно то... что согласно этрусскому письму V=U(лат)=У(кириллица) и G=K=C(лат)=С(кириллица).... ТОГДА ЕЩЁ НЕБЫЛО РАЗДЕЛЕНИЯ НА ЛАТИНСКИЙ БУКВЫ И КИРИЛИЦУ... то и огласовки-произношения.... Изначально остров назывался RVGIA=RUGEN=RUKEN=RUCEN=RUSEN=РУСЕН= то есть = остров **РУССКИЙ** и..... название острова специально поправили чтобы не резало западным народам слух.... а точнее историческую память...

Мекленбургские герцоги Померании к примеру ведут свою родословную от славянских королей вендов(венетов) и ободритов. Согласно ей, Рюрик, Тривор, Синеус были сыновьями короля Годлайба (Годлава, Годослава), погибшего в 808 году в войне с датчанами. В силу их малолетства престол перешёл к братьям Годлава Трасику и Славомiru, а затем к преемникам Славомира – Годомыслу и Табемыслу. На последнем эта ветвь династии пресекается. Трон переходит к потомку родного брата деда Годлава Билингуса I – Мечиславу III. Дядя Рюрика Витислав, князь Мечислав-I и король Мечислав-II были женаты на дочерях русских князей. А сам король Годлайба (Годлав, Годослав) имел жену – дочь новгородского князя Гостомысла - Умилу.

В Индии посредники между Небом и Землёй – Ангирас и Макошь – ныне русско-мордовская культура Мокша, говорившая с небом на русском санскрите.

В детстве здоровье Александра Суворова выправляли лекари мокша, а его физическим совершенствованием занимались староверы казаки-характерники шокша – саксы.

Так что, хочет этого кто-то или нет, современные немцы, шведы и русские – братья по крови. Поэтому третья сила нас и сталкивает. Родичи всегда сражаются с запредельным остервенением, осознание и покаяние приходят позже. Но этого «позже» когда-то может и не наступить...

Родовая память сильнее политики. «Потерянный» род пруссов и есть готы-русы! Они – херуски – этруски – геты русские! Их след тянется с реки Волги – Ра; а через Аркаим, Аркону и подобные им временные порталы-городища наши предки оставили следы в Индии, Шумере, Ассирии, Израиле, Египте, Англии... Вечный РАЙХ подчёркивает нашу преемственность перед законами Неба!

Поговорим о формуле ВАН – ведающий Бога Единого «АН». Людвиг Ван Бетховен объединяет славян Кавказа (Алвания, озеро Ван, сваны) с Италией, Австрией, севером Африки (венды – славяне, вандалы – славяне) и множеством иных государств и народов.

А. Вельтман (1866 г.) утверждает, что название германской земли Дойчланд происходит от славянского племени даков, которые по Дунаю поднялись на север Европы. В Европу даны – даги – даки – саки – цахи – геты – готы вернулись из Азии, где они были известны как «царские (сарские) скифы», т. е. русские скифы. Подобное объяснение истоков государства Германия ещё в большей степени сближает русский, шведский и немецкий народы через род А. В. Суворова, во имя нашего общего будущего.

Род Суворовых звучал на северной земле, как Сувар (переход А в О – наследие позднетюркского влияния). Данная формула есть не что иное, как древнее Суvara. Род воинов, хранителей культа Ра, солнцепоклонников, древних варваров, ведающих течение Мысли – СУ НЕБА – АР. Причём Суvara – не название народа, а определение миссии рода. Суvara ушли с реки Ра многие тысячи лет назад, освоили Сибирь, Китай, Шумер, Крит... Современные чуваши – одна из ветвей родового древа Суvara.

Утверждение, что фамилия Суворов произошла от слова «суровый» несостоятельна – это плод народной этимологии.

Хеттская культура созвучна с нашей версией культа Солнца – Ра. Хеттское слово Су – вара определяет Солнце и созвучно со славянским Богом Солнца Сварогом (СВР, Су – вара!). Хетты – геты говорили и писали по древнеславянски, как утверждают Бедржих Грозный, Борис Новицкий и другие исследователи. Чёрное море, на берегах которого они обитали, носило имя РУССКОЕ МОРЕ! Причём хетты – геты русские – есть древнее казачье сословие. Их государственным символом (задолго до Византии) был двуглавый сокол – орёл. Военное сословие именовалось тюрками, т. е. сильными, как Тур (Тур Хейердал). Славяно-тюркское единство в древности и было естественным состоянием цивилизации ариев. Суvara, арии-варвары с реки Сура, – прямые свидетели минувших тысячелетий, вернувшиеся на прародину. Можно смело предположить, что первично слово чуваша звучало, как сувасы. Су – ясно почему, Ас – формула тюрков казаков, кем и являлись конные суvara!

Шумер – Су мер, деревня Шумерля – Сумерля в Чувашии и река Сура подтверждают нашу версию, как и имена допотопных царей Су мера, детей Богов: Алорус, Алапрус, Амилларус, Мегалурус и Сизифрус, носителей формулы РУС – СУР.

Боги Сумера (Шумера)

В древности южные народы знали: «К нам пришли белые боги Расы».

Исходя из того, что культ сувара – ариев, вышел с бассейна реки Сура, готы Скандинавии тоже, закономерен вывод, что исход рода Александра Васильевича Суворова также начался из сурского края.

Не случайно и то, что дед непобедимого полководца Иван Григорьевич Суворов «осел» на земле предков. Имение было подарено ему Петром Первым на засечной охранной черте по случаю рождения сына Василия, крестника Императора. Как Генеральный писарь Преображенского и Семёновского полков, в современном штате – начальник Генерального штаба, Иван Григорьевич вполне мог бы испросить у Петра Первого «дать землицы поближе к столице». Но он знал о земле предков и о миссии потомков.

Сегодня звучит несколько версий о месте рождения Александра Суворова.

Сам Генералиссимус хранил тайну о месте и годе своего рождения и посвящения в победители. Но ведь не случайно православный храм во имя иконы Владимирской Божией Матери по случаю взятия Измаила заложен им в 1791 году именно в родовом имении Маровка, «в родной деревеньке», как говорил Суворов. По одной версии новый храм был выстроен рядом с храмом Николая Чудотворца, по другим сведениям, на месте этого сгоревшего храма. А ведь мог бы после взятия Измаила и пренебрежения к себе «двора» – награды так и не получил – поставить храм в более богатых, но приобретённых позже имениях – на Владимирщине, Новгородчине или в Москве на Арбате. Но каждый знает, душевная боль и предательство лечатся на Родине.

Достойна внимания версия исследователя жизни Суворова А. Б. Балакшина, который обратил внимание на икону Владимирской Божией Матери в этом храме: на ней Спаситель обращает взор на Богородицу, что символизирует обращение взора глубоко верующего Александра Суворова к матери в месте своего рождения. Православные священники поддержали мнение Александра Борисовича.

В западных источниках (после смерти А. В. Суворова) утверждается, что Александр Суворов родился в деревушке на берегу реки Суской – Сакса, а это не что иное, как наша Шукша.

Если следовать версии о рождении Александра Суворова в Москве, то событие рождения сына у крестника самого Петра Великого не могло остаться незамеченным московской знатью. Запись в церковной книге, приёмы в московском доме, отзывы сослуживцев В. И. Суворова, газеты, хроники, письма должны были сохранить память об этом незаурядном событии... Но ничего нет. Самая ранняя запись в исповедальной книге церкви Николы Чудотворца г. Москвы о В. И. Суворове и его сыне Александре – за 1741–1745 годы. Из неё выясняется, что год рождения А. В. Суворова – 1729.

Следовательно, до 1741 года Александр Суворов в Москве не бывал. И тут возникает вопрос, из каких источников (если таковых нет в России) итальянцы и австрийцы определили место рождения «деревня на берегу реки Суской – Шукша». Ответ может быть только один: А. В. Суворов во время своего последнего похода раскрыл место своего рождения близким друзьям. Близким по духовному служению.

Вполне возможно, что сообразно невероятным способностям и набожности Генералиссимус Суворов был членом тайного православного ордена Чёрных исихастов и имел связь с братьями по ордену внедрёнными в ряды католиков. Предчувствуя свою скорую кончину, он открыл тайну места своего рождения, которую семья Суворовых скрывала всю жизнь. Публичности миссии А. В. Суворова не могло быть, нумерологи со стороны неприятелей России вполне могли помешать победам Суворова. Поэтому логично предположить, что именно это было причиной разночтения. Сам Суворов называл разную «цифирь» дат своего рождения. Умалчивал Александр Васильевич и о месте своего рождения, как и его отец. Значит, были на то весомые причины, что подтверждает нашу версию. Василий Иванович Суворов курировал «тайную канцелярию», т. е. разведку Российской Империи и вполне мог обладать информацией о пристальном внимании врагов России к роду Суворовых с целью его искоренения.

Возникают вопросы и в связи со строительством А. В. Суворовым храма в родовом имении Маровка по случаю взятия Измаила. В книге Н. А. Полеваго «История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского», 1858 года издания, о строительстве этого храма в 1791–1793 гг. не сказано ничего.

Можно допустить, что А. В. Суворов, приезжая на родину, совершал здесь православные обряды, исключённые после прокатолической реформы Никона (в это время, по хроникам, Суворов якобы находился в Финляндии).

Екатерина II в книге «О Старообрядчестве», 15.09.1763 г. указывала полное отвращение к личности Никона и его реформам. Но зато в книге

Н. А. Полеваго сказано на стр. 310, что лекарь А. В. Суворова «сердито отнял у него аптечку, подаренную ему Екатериною». Отмечено также, что предписано было Суворову одеваться теплее... Какое там одеваться, когда ставил диагноз – гангрена. А может быть, и не гангрена сживала со свету Александра Васильевича, а яд? Судя по вере А. В. Суворова в народные средства от болезней: баня, хрен, редька и пр., в аптечке «от Екатерины» могли быть не западные микстуры, а противоядия. Напрашивается вывод, что лекарь-то был не настоящий. Желаящих устранения православного защитника России было премного. Орден Иезуитов, английская разведка... А. В. Суворов мог помешать заговору англичан против Павла Первого. Он всегда был против дворцовых переворотов. То, что Павла Первого агенты влияния Запада настраивали против А. В. Суворова, доказывает нашу версию.

Не историки и политики, а комиссия Генерального штаба от 1900 года, (отдел стратегической разведки – структура ордена Чёрных исихастов) постановила водрузить бюст А. В. Суворова в родовом имении Маровка наравне с бюстом в месте его упокоения. Мы лично больше доверяем Генеральному штабу и западным источникам в их знаниях о месте рождения Александра Суворова в Маровке на реке Шукша и детским годам, проведённых в имении отца, чем прочим политизированным версиям, которые АПТЕЧКУ ОТНЯЛИ, МЕСТО РОЖДЕНИЯ И ДЕТСТВО ТОЖЕ...

Уже пишут, что Александр провёл детские годы в Москве??? Чтобы не нарушать покой души Святого Благоверного князя Александра Невского, в честь которого и был назван Александр Суворов, ходатаям «московской прописки» А. В. Суворова необходимо выставить у себя на рабочем столе наказ А. Я. Невского потомкам: «Не в силе Бог, а в правде!»

В переиздании книги Н. А. Полеваго за 1904 год также ничего не сказано о строительстве храма в селе Маровка самим А. В. Суворовым и об установке бюста по решению комиссии Генерального штаба там же. А ведь решение комиссии было принято за 4 года до переиздания книги. Возникает вопрос о порядочности источников и поводах издания. И закономерен вывод: указанное в этой книге место рождения Александра – Москва есть миф или политический заказ.

Показателен пример поклонения душе победителя А. В. Суворова. Семья дореволюционного губернатора земли Пензенской Ивана Францевича Кошко выезжала на молебны в храм во имя иконы Владимирской Божией Матери в родовое имение Суворовых Маровку, с 1901 года СУВОРОВО! Об этом нам поведал потомок достойной семьи России Дмитрий Борисович Кошко, автор проекта «РУСОФОНИЯ», кавалер российского ордена «ДРУЖБА», проживающий ныне во Франции, но душой живущий в России!

Александр Васильевич Суворов видел время и место Победы Духа над трусостью недругов Руси. Адьютантами А. В. Суворова были Аким

Васильевич Хастатов и Александр Алексеевич Арсеньев, родной брат бабушки М. Ю. Лермонтова. Известно, что род Арсеньевых вышел из Золотой Орды. Ордынская воинская стратегия через казаков и Арсеньевых, постоянное самообразование явно повлияли на формирование А. В. Суворова как полководца-победителя.

Воинским соратником А. В. Суворова был Я. Д. Мерлин. И это тоже не случайность. Род Мерлин вышел, как и род Сувар, из Сурского края и нёс по миру миссию хранителей энергии победы. Мир помнит это. Мерлин: в Индии священная гора Меру, Шумер – Мер, Кимер – Мер. Воспитатель короля Артура, русского князя Яр Тура, – Мерлин, современный культ Мерлион в Англии, культ Мерлион у этрусков и в современном Сингапуре!

Желание души победителя построить Храм Веры на земле, давшей нам Веру и победу, не единичный случай в миссии преклонения и покаяния. Рюрикович и чингизид Иван Васильевич Грозный отметил возвращение Казани закладкой в 1552 году православного храма на месте слияния рек Сура и Пенза. Город Пенза тогда уже существовал, имеется несколько карт, в том числе карта, составленная Гесселем Герритсом в 1613 г. Это ещё одно доказательство правдивости нашей версии о сакральности сурской земли.

Не случайно род Суvara – Суворов имел доверительные отношения с Абрамом Ганнибалом, предком А. С. Пушкина. Черты лица Ганнибала европейские, он был из рода ахмар, что в Эфиопии, южной колыбели русской цивилизации, чтившей как ведическую, так и православную культуру, давшей роду Пушкина оберег славяно-русов – звезду Велеса, позднее Давида, установленную на могиле великого пророка. А пришёл род ахмар в Эфиопию из Йемена, из владений рода царя Соломона! В Йемене донныне имеются названия местностей – Биляр эр Рус и Аба эр Рус. Получается потрясающий вывод исследования: Соломон по маме из гетов русских, род Суvara – Суворова так же. У Абрама Ганнибала и А. С. Пушкина в роду те же геты русские. Общие корни А. В. Суворова с царём Соломоном и А. С. Пушкиным налицо!

Возможно, культура асов – гетов сформировалась задолго до Балановской культуры, так как до Персии, Индии, Шумера... ещё нужно было дойти... Почему же маловероятно определение древнейшего культурного пласта Сурского края?

Очевидно, что Сурский край в своей миссии не был предназначен для массового проживания, как, например, Костёнки в Воронежской области. У истока реки Ра служили небу и Роду посвящённые жрецы-волхвы-брахманы, а их сжигали. Эта традиция сохранилась в Индии, но в более широком применении. Причём было, как минимум, два исхода гетов – один на юг, другой с Одином на север, в Скандинавию, а там АСЫ стали уже БОГАМИ.

Связующим звеном расходившихся родов является культ чёрного ворона, который был у Одина и Мерлина советником. Это подтверждает связь рода Суворовых с вышеописанными событиями и героями. Чёрный ворон был тотемом у славяно-русов, в роду вранци, где «-ци» явное славянское суффиксальное окончание. А «вран» – древняя форма слова русов ВОРОН. Формулу «ВРАН» можно истолковать как ведающий РА и ведающий АН! Выходит, древние были мудрее. Смысл образа чёрного ворона символизировал мудрость и спокойствие. Мудрость РА и спокойствие духа через осознание Бога Единого АН! Это и было свойственно полководцу А. В. Суворову. Когда каноны православной веры звучали в едином хоре с высочайшим уровнем образования и знаниями древних истоков победы, гению А. В. СУВОРОВА не было равных.

Наше исследование доказывает, что феномен А. В. Суворова не случайность и не воинский эпизод. Непобедимый Генералиссимус Александр Васильевич Суворов – сын планетарной формулы «ПОБЕДА», выкованной сотнями поколений и многими родами, несущими русскую духовную, воинскую и государственную миссию защиты и сохранения Родины!

Наиболее системное исследование сведений о биографии А. В. Суворова провела Лидия Терёхина (Л. И. Дорошина), член Союза писателей России, краевед, соавтор проекта «Суворовский полк» и литературный редактор журнала «Четверговая соль».

Чтобы не было сомнения в том, что род А. В. Суворова не наёмник, а сын великих родов, показываем единую кровь перечисленных свидетелей и соавторов суворовских побед: русские, шведы, германцы, сувара, колено левитов, царь Соломон, геты, саки, Индия, Шумер... носители единого кода биологической жизни $R1a! R1a = RA!$

Добавим несколько слов о причастности колена левитов к формированию судьбы непобедимого А. В. Суворова. В культуре рода сувара красивую рыжеволосую девушку называли Сара. Верховный Бог у сувара Тора, что подтверждает единый исток и исход формулы РА по миру. Ну, а в Скандинавии до сего времени почитается Бог ТОР(а)! Колено левитов и род царя Соломона связаны с бессмертием побед А. В. Суворова формулой «МАР» – Маровка и род Соломона Ахмар. Память о сакральных курганах – марах прародины налицо. Логическая цепь нашего исследования сомкнулась.

Продолжение следует...

СОБЫТИЯ. ДАТЫ

ВСПОМНИМ

3 июля – день памяти Олега Михайловича Савина (24 июля 1933, с Овино Тихвинского р-на Ленинградской обл. – 3 июля 2009, Пенза) – писателя, литературоведа и краеведа, журналиста, кандидата филологических наук, члена Союза журналистов СССР/России, члена Союза писателей СССР/России, Заслуженного работника культуры Российской Федерации, Лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова.

7 июля – день памяти Саломеи Нерис (17 ноября 1904, д. Киршай Сувалькской губернии Царства Польского Российской империи (ныне Вилкавишкский район, Литва) – 7 июля 1945, Москва) – народной поэтессы Литовской ССР, Лауреата Сталинской премии первой степени.

Соловей не может не петь

Как после холодов сирень цвести начнет,
Не стерпит соловей, сейчас же запоет.
Пускай руин глаза еще мертвы
И нет дорог, воронки лишь и ввы.

А воздух только порохом пропах
Да трупами на брошенных полях.
Посеем рожь, дороги проведем,
Вновь с очагом уютным будет дом.

8 июля – день памяти Гавриила Романовича Державина (14 июля 1743, Сокуры Лаишевского уезда Казанской губ. – 8 июля 1816, Званка, Новгородского уезда Новгородской губ.).

*Враги нам лучшие друзья;
Они премудрости нас учат.
Но больше тех страшуся я,
Ласкательством меня кто мучит.*

12 июля – день памяти Бориса Николаевича Полевого (17 марта 1908, Москва – 12 июля 1981, Москва) – русского советского прозаика и киносценариста, журналиста, Героя Социалистического Труда, Лауреата двух Сталинских премий II степени и Международной премии Мира, Кавалера трёх орденов Ленина. Неоднократно приезжал в Пензенскую область как депутат Верховного совета СССР.

«Старая помещичье-купеческая Пенза всё больше и больше отступает на второй план, уступая место Пензе новой, Пензе индустриальной» – писал он о нашем городе в 1960 году.

15 июля – день памяти Вячеслава Алексеевича Карпинского (16 января 1880, Пенза – 20 марта 1965, Москва) – видного участника марксистского революционного движения в Российской империи, публициста, редактора и члена редколлегий многих периодических изданий.

19 июля – день памяти Фёдора Николаевича Ракушина (24 февраля 1926, с. Тихменево, Кузнецкого уезда Саратовской губ. (ныне Пензенской обл.) – 19 июля 2000, Пенза) – поэта, члена Союза писателей СССР/России.

*Проснуться бы завтра пораньше
И полем –
К дубровной меже,
Где самые ранние ландыши
С зарей распустились уже.*

*И есть что-то в музыке высшее,
Что входит как радость в судьбу.
И эти звоночки неслышные
Морщины разгладят на лбу.*

21 июля – день памяти Юрия Борисовича Самсонова (7 мая 1939, с. Новый Кряжим (ныне Махалино) Пензенской области – 21 июля 2005) – поэта, члена Союза писателей СССР/России.

*Пахнет горькими травами мёд,
Что дано угадать только избранным.
Кто любим, озарённо несёт
Бремя лет по кругам своим жизненным.*

28 июля – день памяти Михаила Юрьевича Лермонтова (15 октября 1814, Москва – 27 июля 1841, Пятигорск).

*Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.*

31 июля – день памяти Фёдора Ивановича Буслаева (13 апреля 1818, Керенск, ныне село Вадинск Пензенской области – 31 июля 1897, посёлок Люблино Московской губернии, ныне в черте Москвы) – русского филолога и искусствоведа, академика Петербургской Академии наук.

3 августа – день памяти Алексáндра Геóргиевича Малы́шкина) – русского советского писателя, классика социалистического реализма (9 марта 1892, с. Богородское Мокшанского уезда Пензенской губернии – 3 августа 1938, Москва).

А. Г. Малышкин вошёл в историю литературы как автор ряда сборников рассказов, повести «Падение Даира», романов «Севастополь» и «Люди из захолустья», как достаточно известный в свое время публицист.

«Пензенский временник любителей старины», № 4 — 1992, с. 14-15.

4 августа – день памяти Маргариты Константиновны Агашиной (29 февраля 1924, Ярославль – 4 августа 1999, Волгоград) – русской советской поэтессы.

Из её воспоминаний: «Потом мы перебрались на Среднюю Волгу, в теперешнюю Пензенскую область. И опять рядом красота: поляны незабудок, дубовые леса и осинники, полные грибов, заросли папоротника, а в них, под каждым кружевным листом, земляника, — не ягодка-две, а сразу пригоршню наберёшь».

4 августа – день памяти Владимира Николаевича Давыдова (9 июля 1949, Пенза – 4 августа 2020, Пенза) – русского советского писателя, переводчика, члена Союза писателей России – автора романов «Отпусти стрелу», «От третьего лица», «Алябьев: прелюдия для контрабаса», ряда повестей и стихотворений, в том числе «Купринского гимна».

7 августа – день памяти Александра Александровича Блока (28 ноября 1880, Санкт-Петербург – 7 августа 1921, Санкт-Петербург) – поэта, классика русской литературы XX столетия, одного из крупнейших представителей русского символизма.

*Ярким солнцем, синей далью
В летний полдень любоваться –
Непонятною печалью
Дали солнечной терзаться...*

*Кто поймет, измерит оком,
Что за этой синей далью?
Лишь мечтанье о далеком
С непонятною печалью...*

16 августа – день памяти Николая Ивановича Масленникова (16 августа 1915, с. Второе Варыпаево Пензенской области – август 1986, Пенза) – русского советского писателя.

В своей книге «Смерть победившие» Николай Масленников подробно описал все круги ада, через которые он прошёл. Офицер был участником подполья, был знаком с легендарным генералом Дмитрием Карбышевым, видел и военнопленного Якова Джугашвили, сына Иосифа Сталина. Всё это документально подтверждено личным делом из гестапо, которое ему показали сотрудники КГБ.

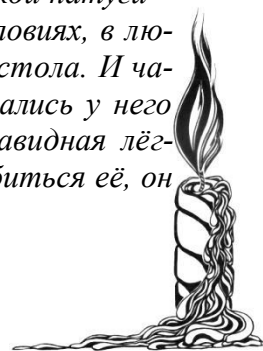
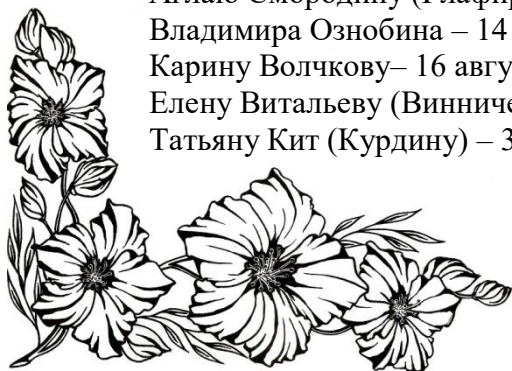
Книга была переиздана три раза. Она переведена на болгарский, чешский, немецкий, сербский языки, – рассказывает историк-краевед Сергей Коробов.

25 августа – день памяти Александра Ивановича Куприна (7 сентября 1870, Наровчат Пензенской губернии Российской империи – 25 августа 1938, Ленинград, СССР) – знаменитого писателя, классика русской литературы.

Куприн писал и стихи, и статьи, и рассказы очень быстро, без всякой натуги – тонким, лёгким, стремительным почерком. Писать он мог при всяких условиях, в любой обстановке, примостившись к окну вагона или к уголку трактирного стола. И часто бывало, что те страницы, которые написаны им впопыхах, оказывались у него наиболее насыщены свежими, полновесными, чёткими образами. Эта завидная лёгкость работы досталась ему нелегко: не забудем, что, перед тем как добиться её, он прошёл многотрудную школу газетной подённости, – писал К. Чуковский.

ПОЗДРАВЛЯЕМ с днём рождения:

Ларису Москвитину – 2 июля
Ольгу Кузьмину – 4 июля
Михаила Рудакова – 5 июля
Илью Царёва – 15 июля
Валентину Филатову – 20 июля
Дмитрия Шилова – 28 июля
Александра Чернюка – 2 августа
Аглаю Смородину (Глафиру Крымову) – 12 августа
Владимира Ознобина – 14 августа
Карину Волчкову – 16 августа
Елену Витальеву (Винниченко) – 18 августа
Татьяну Кит (Курдину) – 30 августа

СРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИЙ И ДРУГИХ КНИГ

*Два места издания Чехия или Россия.
В выходных данных издания
будет значиться*

**Прага: Vědecko vydavatelské
centrum "Sociosféra-CZ"**

или

**Пенза: Научно-издательский
центр "Социосфера"**

РАССЧИТАТЬ СТОИМОСТЬ

- Корректурa текста
- Изготовление оригинал-макета
- Дизайн обложки
- Присвоение ISBN

У НАС ДЕШЕВЛЕ

- Печать тиража в типографии
- Обязательная рассылка
- Отсудка тиража автору

СРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИЙ И ДРУГИХ КНИГ

*Два места издания Чехия или Россия.
В выходных данных издания
будет значиться*

**Прага: Vědecko vydavatelské
centrum "Sociosféra-CZ"**

или

**Пенза: Научно-издательский
центр "Социосфера"**

РАССЧИТАТЬ СТОИМОСТЬ

- Корректурa текста
- Изготовление оригинал-макета
- Дизайн обложки
- Присвоение ISBN

У НАС ДЕШЕВЛЕ

- Печать тиража в типографии
- Обязательная рассылка
- Отсудка тиража автору